

КРЕСТЬЯНКА

№ 4
АПРЕЛЬ
1958

Матрена СМЕРНОВА

Х О Д О К

Сапоги пахучим дегтем
Смазал густо Емельян,
Починил у шубы локти,
Документ зашил в карман,
Привязал мешок на плечи,
Взял еловый подожок
И отправился под вечер
К ближней станции ходок.
Вот сидит он в Совнаркоме,
В шубу теплую одет.
Холодище в этом доме,
Видно, дров-ни палки нет.
«Иль в России нету леса?
Попроси, бы, крестьян!
Подвезли бы вам дровишек»,—
Думал думу Емельян.
Наконец его позвал.
Он заходит к Ильичу.
— О крестьянском деле с вами
Побеседовать хочу:
Донимают с продрозверсткой,
Каждый день идут к крыльцу,—
И провел ладонью жесткой
По смущенному лицу.
Ленин встал ему навстречу:
— Проходите... Видеть рад...
«Похудел-то как сердечный!
Ранен был он, говорят». —
Принесли стаканы с чаем.
Ломтик хлеба с коробок.
Емельян пожал плечами:
Что-то очень мал кусок.
— Верно, хлеб едим по горстке,—
Говорит Ильич в ответ.—
Потому и продрозверстка:

Для рабочих хлеба нет.
А рабочие старались,
Чтобы были вы с землей.
С ними вы теперь, товарищ,
Жить должны одной семьей.
Говорил Ильич, как другу.
Емельян светлел лицом.
Сжал он ленинскую руку
И сказал: — Не подведем!..
Он домой приехал хмурый,
В тот же день собрали сход.
— До чего ж мы некультурный,
Несознательный народ! —
Емельян сказал сурово.—
Город надо поддержать,
Хлеб найдется у любого,
Знаю, нечего скрывать!
Мужики переглянулись:
— Нам намек твой не понять!
— Вы хотите, чтоб вернулись
К нам помещики опять?
Чтоб взаимы пудишки клянчить
У попа и кулака?!
Удивляются крестьяне:
Подменили мужика.
— Емельян Васильич, что ты,
Нам помещик не с руки!
За Советы все мы... — То-то,
Насыпайте-ка мешки...
Утром шли подводы в город,
Ветер флаг качал слегка.
Герб — колосья, серп и молот —
Виден был издалика.

с. Русский Ишим,
Пензенская область.

Рисунок Н. ЗАХАРЖЕВСКОГО.

КРЕСТЬЯНКА

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал

Пролетарий всех стран, соединяйтесь!

№ 4
АПРЕЛЬ
1958

36-й ГОД ИЗДАНИЯ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Е. Н. Авсиевич, депутат Верховного Совета СССР звеньевая колхоза имени Ленина, Можайского района, Московской области, обсуждает с односельчанами вопрос о том, как лучше использовать покупаемую у государства технику.
Фото А. ШИШКИНА.

ПАРТИЯ ВЕДЕТ

Сила нашей партии состоит в том, что она всегда идет в ногу с жизнью, тесно связана с широчайшими массами трудящихся, дает полный простор инициативе и активности, созидательному творчеству народа. На каждом этапе развития она умеет найти главное звено, ухватившись за которое можно успешно решить важнейшие задачи продвижения страны вперед по пути к коммунизму.

Вот и теперь, учитывая возросшую экономическую мощь колхозов, выросшие в них высококвалифицированные кадры, накопленный опыт ведения крупного общественного хозяйства, Пленум ЦК КПСС в феврале принял постановление «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций». По решению Пленума опубликованы для всенародного обсуждения тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева по этому вопросу на сессии Верховного Совета. В этих документах начертана программа дальнейшего подъема сельскохозяйственного производства.

В первые годы коллективизации колхозы были еще мелкими, средств у них было мало. Купить сложную технику они не могли да и не сумели бы ее правильно использовать. И жизнь тогда подсказала лучшую в тех условиях форму помощи государства колхозам — МТС.

Машинно-тракторные станции сыграли историческую роль в переделке нашего сельского хозяйства на социалистический лад. Под влиянием машинно-тракторных станций коренным образом изменился облик села и весь уклад деревенской жизни. Выросла целая армия механизаторов. В прошлом году трактористов, комбайнеров, шоферов, ремонтных и других рабочих насчитывалось свыше 2 миллионов. Через машинно-тракторные станции государство осуществляло организационно-хозяйственное, а на определенных этапах и политическое руководство колхозами.

За последние четыре года, после принятия партией и правительством мер по крутому подъему сельского хозяйства, колхозы достигли особенно

больших успехов. Теперь в нашей стране насчитывается около 78 тысяч колхозов. На каждый колхоз приходится примерно 2 тысячи, а в зерновых районах по 5—10 и более тысяч гектаров земли. Неделимые фонды колхозов составляют почти 100 миллиардов рублей, а все паевые взносы в начале коллективизации составляли только 1,5 миллиарда рублей. Возведены животноводческие и другие хозяйственные постройки, пущены тысячи электростанций. Резко возросли доходы колхозов, и повысилось материальное благосостояние колхозников. Окрепили колхозные партийные организации, выросли новые замечательные специалисты, организаторы крупного социалистического производства. Ныне колхозы уже в большинстве своем не нуждаются в руководстве МТС. Действующий же до сих пор порядок, когда на одной и той же земле ведут хозяйство два хозяина, стал мешать дальнейшему росту производства. Работники машинно-тракторных станций далеко не всегда заботились о повышении урожайности; зачастую они в погоне за выполнением плана проводили много ненужных работ, а важные для повышения урожайности работы не выполняли. Дорого стоит и содержание управленческого аппарата МТС. Не случайно в ряде мест стали искать новые формы взаимоотношений МТС и колхозов.

Машинно-тракторные станции предполагается постепенно реорганизовать в ремонтно-технические станции (РТС), возложив на них ремонт сложной техники, а тракторы и сельскохозяйственные машины продать колхозам. Государство сможет продавать непосредственно колхозам через РТС новые тракторы и машины, запасные части, горючее, удобрения, ядохимикаты и другие материалы.

Те машины, которые не могут быть использованы в одном колхозе, останутся в РТС и будут предоставляться колхозам напрокат за определенную плату. Колхозы будут давать в РТС заказы, какие

машины и оборудование они хотели бы приобрести. С учетом этих заказов будет организовываться производство машин и их продажа.

Трактористы и другие кадры механизаторов перейдут на работу в колхозы, вольются в колхозные бригады и станут полноправными их членами. Учитывая высокую квалификацию, предполагается сохранить гарантийный минимум по оплате труда для трактористов и других механизаторов, переходящих на работу в колхозы.

Не все еще колхозы в состоянии купить, а главное, хорошо использовать технику. Потребуется некоторое время, пока все колхозы смогут приобрести необходимые им тракторы и машины. Поэтому в ряде районов сохранятся МТС. В какие сроки будет проходить продажа тракторов и машин колхозам, каждый район и область будут решать, исходя из своих условий.

Реорганизация МТС и продажа техники колхозам положат конец двойственности в управлении производством: колхоз сможет полнее использовать технику, выполнять в первую очередь наиболее важные для хозяйства работы, лучше использовать рабочую силу, шире механизировать все процессы производства. Все это позволит производить больше продукции при меньших затратах. Колхозы еще больше окрепнут и расцветут, возрастет их общественное богатство.

В колхозах, совхозах, МТС, на фабриках и заводах, по всей стране развернулось широкое деловое обсуждение намечаемых партией мер по дальнейшему подъему сельского хозяйства. Горячо одобряя и единодушно поддерживая предполагаемую реорганизацию МТС, трудящиеся вносят предложения, как наиболее правильно использовать мощную технику, которая будет продана колхозам.

Сессия Верховного Совета СССР на основе всенародного обсуждения примет решение о дальнейшем развитии сельскохозяйственного производства.

БОЛЬШАЯ ВЕСНА

Нынешней весной сев на Кубани совпал с большим и интересным разговором о тракторах, о комбайнах, о машинах, которые мы вот-вот начнем покупать.

Колхозники нашей сельхозартели одобряют решение Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии. Они-то хорошо знают, что такое собственный трактор в хозяйстве!

Еще 30 апреля 1921 года в нашем небольшом хуторе пять крестьян-бедняков объединились в коммуну и назвали ее «Красный воин».

Невелико было хозяйство у «Красного воина»: две лошади, три коровы и кое-какой инвентарь. Как ни старались люди от зари до зари работать, подняли всего двадцать восемь гектаров, а остальные полторы сотни гектаров пустовали.

Только в 1924 году с помощью государства «пятачка» приобрела первый трактор «фордзон». Через два года смогли купить еще трактор. Даже помогали соседям-беднякам.

Трудно пришлось вначале: не было ни трактори-

стов, ни механиков. Один из коммунаров, Глухович, сам научился с горем пополам управлять трактором и научил еще двух, в ту пору молодых парней: Никиту Ковалева и Петра Иваненко.

— Я как услышал про первый трактор, так ночью и сбежал от кулака, у которого батрачил, — рассказывает заведующий колхозной электростанцией Никита Прокофьевич Ковалев. — Пришел в коммуну и все ходил за «фордзоном», упрашивал тракториста научить пахать землю машиной.

Первые свои тракторы наш колхоз впоследствии отдал машинно-тракторной станции, организованной в ту пору, когда по всей Кубани занималось колхозное движение.

Теперь мы снова собираемся приобретать машины. Но разве сравнить наше хозяйство тогда и теперь!

В нашем колхозе имени Тамаровского, так он назван после смерти Петра Степановича Тамаровского, организатора «Красного воина», нет сейчас почти ни одного мужчины, который бы не мог уп-

равлять трактором или автомашиной. Есть у нас своя электростанция, гараж и даже оборудование для мелкого ремонта машин. И механизаторам МТС будет у нас неплохо. Все они жители нашего колхоза. Трудодень у нас ценный, и о людях большая забота, установлена пенсия для каждого нетрудоспособного или престарелого.

Хотелось бы, чтобы вместе с трактористами к нам пришел хороший специалист-механик.

Мы считаем, что это должен быть человек с техническим образованием. Техника у нас становится все сложнее, и любому инженеру будет интересно работать в нашем колхозе.

У нас уже есть свои грузовые и легковые автомашины, трактор, жатки, сенокосилки; собираемся купить восемь тракторов с полным комплектом прицепного инвентаря, один зерновой комбайн, один кукурузоуборочный, силосный и свеклоуборочный. Технику будем покупать ту, которая работала на наших полях.

На покупку машин понадобится около четырехсот тысяч рублей. Если бы мы не задумали построить еще один новый коровник и телятник, мы бы в этом году за тракторы рассчитались сполна. Но мы обязательно должны построить новые животноводческие помещения вот почему: колхозники решили продать на общий двор всех своих коров. Молока они получают на трудодни в достатке. Детей мы также обеспечиваем молоком и молочными продуктами, поэтому женщины охотно согласились продать коров.

Вот мы и решили: больше половины заплатим за технику в этом году, а остальную часть внесем в будущем.

Все мы считаем, что реорганизация МТС необходима и для государства и для колхозников. Ведь интересы у нас едины!

В 1921 году маленькой группе людей, организовавшей коммуну, государство помогло в покупке сельскохозяйственных машин. А когда начали создавать МТС, колхозники с чистым сердцем отдали и свои машины, чтобы помочь общему делу.

За последние годы партией приняты меры по всеобщему подъему сельского хозяйства. Сказалось это и на нашей артели. Больше продукции производит колхоз, больше сдает и государству. Назову лишь две очень интересные цифры. Уже в 1941 году хозяйство наше было крепким. Однако тогда колхоз сдавал молока немногим более 67 тысяч килограммов и 9 тысяч килограммов мяса, а в 1956 году молока мы сдали государству уже 540 тысяч килограммов, мяса 504 тысячи килограммов. А в 1958 году обе эти цифры удвоятся. Растут наши денежные доходы. Если в 1952 году мы получали от всех отраслей около миллиона рублей дохода, то в прошлом году только одно полеводство дало около девятисот тысяч рублей. А всего дохода колхоз получил свыше двух миллионов рублей.

Мы рады новому шагу, предпринятому нашей партией. Колхозники не останутся в долгу у государства.

Председатель колхоза
Л. ТАМАРОВСКАЯ

Приморско-Ахтарский район,
Краснодарский край.

ОДНОЙ СЕМЬЕЙ

М. ЖЕСТЯНКИНА,

бригадир тракторной бригады Рузской МТС

18 лет работаю я механизатором. Сначала была трактористкой, а потом назначили меня бригадиром тракторной бригады. Вспоминается 1943 год. Разоренные фашистами села только-только начинали отстраиваться. Не будь в ту пору машинно-тракторных станций, на многие годы затянулось бы восстановление разоренных фашистами колхозов. И хоть техника у нас была далеко не новая, трактористы—все больше безусая, неопытная молодежь, однако и вспахали и посеяли мы в первый же год после освобождения все, что полагалось по плану. И осенью люди были с хлебом, сумели и государству сдать немало продуктов.

В те годы МТС была для колхозников самой надежной опорой. Специалисты МТС—агрономы и зоотехники, были первыми помощниками председателей тогда еще мелких и по большей части экономически слабых колхозов. Все новое, все самое передовое, что давала наука и практика, стремились перенести они на наши поля и фермы.

После сентябрьского Пленума ЦК партии пришло в колхозы немало опытных руководителей—тридцатитысячников. Это были агрономы, зоотехники, инженеры—люди большой культуры и знаний.

Вслед за этим и многие специалисты сельского хозяйства перешли работать в колхозы. И тут уж стали мы чувствовать, что не всегда наши энтээсовские руководители и специалисты, которым мы подчинены, правильно распоряжаются техникой. Часто мы, механизаторы, видели, что, требуя от МТС выполнить ту или иную работу, правы колхозные руководители.

Основным показателем нашей работы был условный гектар мягкой пахоты. Чем больше этих гектаров приходилось на трактор, тем выше оплата труда, тем лучше для МТС. К примеру, на пахоте, на уборке, на севе, на дисковании гектаров мягкой пахоты выходило много, и эти работы считались выгодными. А вот вывозка удобрений и другие транспортные работы, очень нужные колхозу, были для МТС невыгодны: на них условных гектаров набегало мало, а пережог горючего, износ трактора (дороги-то у нас еще плоховаты, особенно весной и осенью) был очень велик. И уже не говоря о руководстве МТС, сами трактористы очень неохотно за них брались.

Плохо было и то, что работой трактористы были загружены полностью только 6—7 месяцев в году, а остальное время работали мало.

Тезисы доклада Н. С. Хрущева, вынесенные Центральным Комитетом партии на всенародное обсуждение, вызвали горячий отклик у механизаторов и у колхозников. Сельхозартель имени 8 марта, которую обслуживает наша бригада, решила купить у государства технику. Строится помещение для машин, расширяется колхозная мастерская, в которой будет производиться текущий ремонт тракторов. Многих волнует вопрос оплаты труда механизаторов. Для нас он уже решен самой жизнью: колхозный трудодень по стоимости почти равен тому, что мы получаем по гарантийному минимуму. Получая оплату от колхоза, мы будем зарабатывать даже больше. Если в прошлом году каждый механизатор зарабатывал около 400 трудодней, то, работая в колхозе, мы будем зарабатывать трудодней на 100—200 больше, потому что в колхозе работы больше.

Сократится штат механизаторов. Не нужны будут и два учетчика и помощник бригадира тракторной бригады, работу трактористов станут учитывать бригадиры-полеводы, горючее будет выдавать колхозный кладовщик.

Сейчас в нашей бригаде 7 тракторов. Когда колхоз станет полным хозяином техники, то мы свободно обойдемся и пятью тракторами, потому что каждый трактор будет работать на полную мощность весь год. Мы сможем высвободить также два культиватора, одну сеялку. И волнует нас теперь одно: как будет организован ремонт техники, как будут снабжаться колхозы запасными частями и горючим? Эти вопросы должны быть решены так, чтобы техника, приобретенная колхозами, работала бесперебойно. Московская область.

МОИ ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

Мне выпало огромное счастье видеть В. И. Ленина не только на съездах, но и в кругу товарищей. Мой муж был знаком с Лениным на протяжении многих лет. Он и познакомил меня с Владимиром Ильичем в Берне, столице Швейцарии, в 1915 году.

Дважды мне довелось быть у Ильичей (так в то время в нашем кругу называли Владимира Ильича и Надежду Константиновну) дома. Они снимали небольшую комнату с балконом на втором этаже мрачного стандартного дома. В таких комнатах обычно селились студенты. Дешевые светлые обои, две узкие железные койки под белыми вязаными покрывалами, два простых стола с литературой, небольшой стол посередине, над ним свисающая с потолка лампочка — вот и все убранство. Вещи все в стенном шкафу. Чистота и порядок идеальные: ни пылинки, ни соринки, ни одного лишнего предмета.

Мы пришли днем. Приходили и уходили товарищи. Меня поразило внимание, с которым Ленин выслушивал каждого, его заботливость. Надежды Константиновны не было дома, ушла в библиотеку, но Владимир Ильич спрашивал всех проходящих: «Не хотите ли чайку? У нас это быстро».

Второй раз мы с мужем были у Ленина вечером. Он был дома один, писал статью. Когда мы вошли, он с жаром стал рассказывать ее содержание, как бы обдумывая статью вновь. В ней говорилось о предательстве социалистов ряда европейских стран, голосовавших за военные кредиты.

Они предали рабочий класс! Они — за империалистическую войну! Глаза Ленина сверкали. Он, казалось, видел этих изменников, изливал на них свою беспредельную ненависть и презрение, наносил им удар за ударом, разбивал вдребезги их жалкие потуги оправдаться.

Владимир Ильич ходил по комнате, временами останавливаясь, чтобы особенно подчеркнуть отдельную мысль, потом опять ходил, засунув руки в карманы. Дойдя до угла, резко поворачивался и опять шагал, шагал...

* * *

Инженер-химик Григорий Львович Шкловский был единственным из всех большевиков-эмигрантов «солидным» семейным человеком. Он имел достаточные средства к жизни, приличную квартиру в буржуазном квартале. Швейцарские буржуа считали его «своим». Ведь никто из них не мог подумать, что у него в доме собираются «красные»!

Его квартира имела два выхода на разные улицы, и поэтому посещение ее многими людьми не бросалось в глаза.

Может показаться странным: в «свободной» Швейцарии и вдруг надо конспирировать! Но это было так. Остерегаться следовало не швейцарской полиции, а русских шпииков, которых здесь было множество.

Квартира Шкловских имела для Владимира Ильича особую притягательную силу: четверо детей Шкловского были его друзьями. С ними он шалил, как ребенок, с азартом играл в шумные игры, изображал то зверя, то разбойника, бегал вперегонки. Стулья, диваны сдвигались, превращаясь в баррикады, дом оглашался детским визгом, хохотом.

Крошка Люда была любимицей Ленина. Она чинно подходила к Ильичу, взбиралась на колени, и начинался страшно интересный разговор, который могли понять лишь немногие, но Ленин понимал отлично и слушал со вниманием и неподдельным любопытством.

Почитайте некоторые письма Ленина к Шкловскому, и вы увидите, что его дружеские чувства к Люде сохранились и в дальнейшем. В конце письма почти всегда прочтете приписку: поклон семье, и Люде — особенно.

* * *

Как-то мы сидели со Шкловской, ожидая Ильина — он был у Ленина. Ильин пришел такой расстроенный, что мы серьезно встревожились. Что случилось?

— Плохо у него дело, — сказал Ильин.

— Что, что такое?

— Мы говорили о разных делах. И вдруг, знаете, что он мне сказал? «Не найдется ли у ваших знакомых урочка для Нади? Очень уж туго нам приходится». Как же должно быть туго, если он сам об этом говорит!

Ильин чуть не плакал.

— Вы ведь знаете, он никогда не жалуется, как бы плохо ни было. И подумать только: совсем недавно Надежда Константиновна перенесла такую тяжелую операцию!

— А как она работает! — добавила Шкловская. — Я не знаю, когда она отдыхает.

Наступило унылое молчание. Ильин встал.

— Пойду кое-куда, попытаюсь. Если Ленин просит, — значит, надо. Видно, другого выхода нет.

Но поиски «урочка» не привели ни к чему. Шкловская подумала было, не попросить ли Надежду Константиновну позаниматься с ее девочками? Под предлогом, будто отстанут в школе. Да нет, нельзя: она сразу догадается об обмане, оскорбится.

Когда Ильин, исчерпав все возможности, пришел с неутешительным ответом, Ленин улыбнулся:

— Как-нибудь обойдемся.

«Обойдемся! Перейдем с хлеба на воду, — подумал Ильин. — И какая же это мука — не смей ему помочь другими средствами! Ленин ни за что не согласился бы, ни за что!»

* * *

Но вот случилось необыкновенное событие. На Ильичей свалился целый капитал — какой-то литературный гонорар. Решили купить Надежде Константиновне пальто. Инесса Арманд, близкий друг Ильичей, вызвалась помочь ей в этом.

Но задача оказалась гораздо сложнее, чем она ожидала. Надежда Константиновна браковала подряд все, что ей ни предлагали. То ее пугал светлый цвет, то модный покрой, то карманы. Она решительно заявила, что модничать и молодиться не намерена. Целый день прошел в безрезультатных поисках. Лишь на третий день удалось найти пальто, которое пришлось Надежде Константиновне по вкусу: пальто было в самом деле отличное: не светлое, не модное, и, самое главное, незаметно было, что оно новое.

Владимир Ильич тоже одобрил покупку.

* * *

В Лозанне базой для встреч была «квартира» товарища Мовшовича (партийная кличка «Володя»). Это был старый партиец, сапожник по профессии. Он и здесь продолжал заниматься своим ремеслом. Это кормило его с семьей, в то же время мастерская служила надежным местом для конспиративных встреч.

Приезжая в Лозанну, Ленин всегда останавливался у Мовшовича, к которому питал большую симпатию. Но в первый приезд между ним и Володей произошел «принципиальный» спор. Поговорив всласть по всем вопросам в кухне (она же и гостиная), Володя повел гостя в крошечную спальню. Там его жена застилала кровать свежим бельем. Ленин понял, что это для него.

— А вы где будете спать? — поинтересовался он, заметив, что, кроме этой кровати и детской постельки, для спанья ничего нет.

— На полу.

— И Мира (жена Володи) тоже на полу?

— И Мира тоже.

В. И. Ленин и М. И. Ульянова идут на V Всероссийский съезд Советов (июль 1918 г.).

— Ну, нет, я не согласен. На полу постелите мне.

Начался ожесточенный спор. Мира, например, настаивала на «равноправии женщины», в силу которого должен быть отменен предрассудок — уступать ей лучшее место. Но женское равноправие в трамвожке Миры было беспощадно осмеяно. Ленин с торжеством растянулся на разостланном на полу одеяле, заменяющем матрац.

— И скажу вам, между прочим, постель превосходная! — заявил Владимир Ильич.

* * *

После Февральской революции Мовшович с первой же партией большевиков-эмигрантов вернулся в Россию. Зимой 1920 года он свалился в тифу. В больнице его, едва оправившегося, снабдили путевкой в санаторий, в Покровское-Стрешнево. Но там оказалось так плохо, что он немедленно повернул обратно и из последних сил поплелся пешком к себе домой.

Дома не было никого, жена уехала в командировку. Холодно. Пошарил в буфете — нашел завалившийся черный сухарик. Разжечь примус (хоть воду вскипятить!) и то не смог.

Весь этот и следующий день пролежал. Мучило сознание своей беспомощности, бесполезности. «Кому ты нужен такой? Кто о тебе вспомнит?»

Стука в дверь он не расслышал. Кто-то вошел, чиркнул спичкой... Он не бредит? Ленин?!

Да, это был он!

Владимир Ильич сел подле Володи на диван.

— Что это вы, Володя? Заболели, а мне не дали знать. Я ведь и рассердиться могу.

— За что же сердиться, Владимир Ильич? Мало ли у вас забот?

Он хотел встать.

— Лежите, лежите, вам вставать нельзя. О вас мне Людвинская рассказала. В санатории справлялись, но вам не угодно было там оставаться.

— Мне там сказали...

— Знаю. Между нами говоря, вы хорошо сделали, что удрали. Правда, и здесь не очень...

Ленин вдруг озорно улыбнулся.

— А вы знаете, как я к вам добрался? Ведь ко мне охрану приставили. Шагу без нее сделать не могу. Да вот видите, ускользнул! Пешком пришел. Отличную прогулочку сделал. — И Владимир Ильич весело засмеялся, как школьник, которому удалось ловко провести бдительных учителей. Потом осмотрелся, помрачнел. — Комната у вас действительно неважная, хуже, чем мне сказали. И не топят? — Потрогал батарею. — Холодная.

— Да вы не беспокойтесь, Владимир Ильич, какие пустяки!

Заговорили о другом. О положении в стране.

Ленин ушел.

На следующий день явился красноармеец и поставил на стол коробку.

— От товарища Ленина!

Володя раскрыл упаковку. Сливочное масло, печенье, сахар... Чуло!

Прошел еще день — Володю перевезли на новую квартиру. Комнату ему дали — лучше и желать невозможно. Едва огляделся, к нему постучали. Дверь отворилась. Опять Ленин!

— Ну, с новосельем! Пришел проверить, как вас устроили. Неплохо, неплохо, не обманули меня товарищи. Очень рад. Теперь у вас одна задача: поскорей поправиться. Ведь вас работа ждет. Да не забывайте сказать, что вам нужно.

Пожав Володе руку, Ленин исчез.

Володя стоял ошеломленный. На плечах у Ленина целое государство, и он нашел время, чтобы навестить больного товарища.

М. ИЛЬИНА

БАЙБИЧЕ

Рассказ-быль

Она уже и сама забыла свое имя; ей казалось, что она всегда была старухой, хотя лет ей было совсем немного. Отец байбиче (бабушки) служил пастухом у богатого казаха — бая, его убила горячая, дикая лошадь, а так как жена пастуха была в долгу у хозяина, то он и взял за долг, не платя калыма, третьей женой двенадцатилетнюю дочь пастуха Хасиму. В пятнадцать лет она родила сына Омара. Через два года умер старый бай. Омар заболел оспой и ослеп, а старшая жена бая выгнала молодую мать из юрты.

С тех пор и началась ее страшная жизнь. Матери в живых уже не было, в их старой юрте жили ягнята бая. Куда деваться со слепым ребенком? И Хасима пошла по людям, делала самую тяжелую и грязную работу, а если и такой не находилось, просила милостыню.

В двадцать пять лет она выглядела старухой и кто-то в первый раз назвал ее «байбиче», так это за ней и осталось. Нужда и забота согнули ее спину, рваный бешмет висел на ее плечах, как на вешалке, никто не видел на ее лице улыбки. Слепой Омар рос и требовал пищи, и мать добывала ее изо всех сил.

На берегу Иртыша стояла красивая дача. Хозяева капиталисты-бельгийцы жили в ней только летом, когда приезжали на кумыс, и то не каждый год. Вот сторожем этой дачи и стала байбиче. Хозяин указал ей избушку, что стояла почти у самой воды, объяснил, что будет платить жалованье, а она должна зимой охранять пустой дом, а летом убирать двор, носить воду, поливать газоны и ходить к рыбакам за рыбой для господского стола. Было оговорено также, чтобы слепой Омар не мозолил своим уродством глаза хозяйским детям и гостям, а сидел дома.

Байбиче поселилась в маленькой, полутемной избушке, довольная, что у нее есть крыша над головой и не надо проситься на ночлег к чужим, равнодушным людям.

Байбиче пыталась лечить слепого сына, водила его к шаману, но тот уверил ее, что надо много, ой, как много денег, чтобы злой дух оставил слепые глаза Омара. Так и сидел слепой Омар, согласно договору с хозяином, в избушке безвыходно, перебирая струны какого-то инструмента, и тихонько пел песни о бескрайней степи, о высоких горах Алтая, о сердитой реке, на которой он жил, и о том, чего никогда не видел, но о чем рассказывала ему мать в долгие холодные зимние вечера, когда ветер выл в трубе, а за стеной сердито бушевала вьюга.

Летом, когда приезжали хозяева, а с ними двое детей, окруженные гувернантками и слугами, байбиче оживлялась. Жизнь большого дома с его музыкой, веселыми гостями, фейерверками была ей чужда и непонятна,

но ей нравились хозяйские дети, особенно спокойный ласковый мальчик, которого она тихонько называла «кичкине акпас», то есть малыш белоголовый. Она научила его говорить несколько слов по-казахски и была тронута до слез, когда он при встрече улыбнулся и сказал: «Аман джаксы, байбиче» (добрый день, бабушка). Ему внушали, что нельзя ходить в избушку, там жил слепой Омар — источник всяких заразных болезней, нельзя касаться вещей, принадлежащих байбиче, так как все ее вещи носят на себе «вековую грязь». Но мальчик любил слушать грустные песни Омара, вздохи его инструмента, на котором было всего три струны из конского волоса. Звуки, которые они издавали, жалуясь и тоскуя, доходили до сердца ребенка, и мальчик стоял у порога избушки, боясь переступить его. Тогда прибегала горничная или бонна, важная строгая англичанка, и уводила ребенка так поспешно, будто его жизни угрожала опасность.

Шли годы. Особенно трудно и тоскливо было зимой. Омар не пел уже песен, он глухо и мучительно кашлял под вой ветра, а когда однажды зимним утром байбиче подошла к постели, чтобы лучше укрыть его от холода лохмотьями, Омар был мертв. «Джангыз» (одна), — рыдала байбиче. «Джангыз, — вторил ей ветер, — джангыз»...

Весной хозяева не приехали. Рыбаки говорили, что идет война. Однажды от большого парохода, что проходил по Иртышу, отвалила шлюпка с солдатами. Это были колчаковские каратели, которые привезли четырех пленных. Что им нужно, байбиче не знала. Она отдала им ключи от всех построек и стала ждать, что будет дальше. Среди пленных был парень из ближнего аула, которого она узнала, и Мансур, так звали парня, тоже узнал ее.

— Скажи матери... — крикнул Мансур.

Но он не успел закончить, конвойный выстрелил в него. Пленный упал, упала и байбиче, как будто одна пуля убила двоих. Солдаты пинками тяжелых сапог откинули байбиче в сторону, а тело убитого бросили в Иртыш. Байбиче с трудом поднялась и, шатаясь, пошла в свою избушку. Ее никто не остановил, и она успела заметить, что троих оставшихся пленных закрыли на засов в сарае, а у двери поставили часового. Ночью байбиче слышала, как орали песни и били стекла в доме пьяные солдаты. Она тихо вышла во двор. У дверей сарая спал пьяный часовой. Байбиче подкралась к двери и с трудом подняла тяжелый засов. Вот открылась широкая дверь сарая, и три тени мелькнули мимо байбиче. Она спокойно пошла к своей избушке. Ей некуда и незачем было бежать.

Когда часовой проснулся и увидел раскрытые двери сарая, он понял, что его ждет расстрел. Он бросился к берегу, где стояли на приколах рыбацкие лодки, вскочил в одну из них, чьим-то случайно брошенным багром оттолкнулся от берега. Мощные волны реки, как щепку, понесли его суденышко по течению.

Утром был большой переполох. Каратели решили, что часовой выпустил смертников-партизан и бежал вместе с ними. Солдаты стреляли, кричали, ругались и уплыли на своей шлюпке. Байбиче стояла у дверей своей избушки и смотрела им вслед. Она уже знала, что идет война.

Опять бежало время. Пришла еще более холодная зима. Голод, пустой дом с выбитыми стеклами, одиночество. Нет Омара, нет надежды на жизнь.

Весной опять приехали люди. Это были не солдаты, но и не старые хозяева. Приехавшие, в большинстве это были женщины, осмотрели дом, расспросили байбиче обо всем, что здесь было. Они что-то долго писали, а потом заявили байбиче, что оставят ей двух человек в помощь для приведения дома в порядок и она будет за старшую. Ей дали пищу, спецовку и обувь, велели снять и сжечь свои лохмотья.

Байбиче, как голодный на хлеб, набросилась на работу. Все кипело у нее в руках, люди удивлялись ее умению и проворству. Никто не называл ее старухой, у нее было имя, ее звали Хасимой; она вспомнила, что ей совсем немного лет, и первый раз за долгие годы улыбнулась.

В доме бельгийцев, бежавших за границу, организовали детский дом. Хасима, окруженная детворой, работает няней, она не одна. Хасима знает, что, если бы Омар был жив, ему вернули бы зрение. Хасима сама видит то, чего не видела раньше, новая жизнь открыла ей глаза.

На стене комнатки, в которой живет Хасима, висит небольшой портрет Ленина.

— Он, — говорит Хасима, указывая на портрет, — он... — Глаза ее блестят, как у молодой, на лице счастливая улыбка. Да, это он повел людей к счастью.

Евгения ШПАК

Рисунок Г. СОНДАРЕВА.

Услышав по радио выступление Вити Байкова, Коля Большаков тоже захотел пойти в детский сад.

РЕБЯТИШКИ ЖДУТ ВОСПИТАТЕЛЯ

— Тетя, а вы зачем к нам приехали? — окружили ребятишки высокую тоненькую девушку с легкими рыжеватыми волосами. Ребят было много, загорелых, босоногих, с перепачканными мордашками. И Ольга растерялась. Всю дорогу, и в поезде и в тряске пружовике, она думала о встрече с будущими питомцами, а сейчас оглядывала их всех, оглядывала большой бревенчатый дом среди вековых лип и берез, залитую солнцем лужайку и не могла сразу найти, что ответить. Замешательство длилось недолго, и уже в следующее мгновение девушка весело улыбнулась и сказала:

— Меня зовут Ольга Андриановна, а приехала я к вам, чтобы играть и гулять вместе с вами, рассказывать вам интересные сказки.

Так и познакомились...

Когда после окончания дошкольного педучилища Ольге Тимофеевой предложили поехать на работу в детский сад колхоза Молдино, она согласилась сразу, без колебаний. Еще на втором курсе, во время практики, она работала на колхозной детплощадке в Бежецком районе. Но то была лишь временная летняя площадка, а в Молдине детский сад действовал круглый год.

Да только очень уж этот сад отличался от городских, в которых часто бывали студенты педучилища. Кроватки самодельные, деревянные, игрушек почти нет, посуда для детского сада совсем неподходящая.

В первый же день Ольга попросила ребят:

— Узнайте, нет ли у вас дома ненужных коро-

бок, картонок, катушек. Если есть, принесите их сюда, и мы с вами в них поиграем.

На следующее утро из кусочков картона, палочек и катушек мастерились игрушечные стульчики, столики и скамейки. Положив на дорожке на некотором расстоянии друг от друга две палки, Ольга Андриановна учила ребят прыгать через них:

сначала присесть, руки назад, когда прыгнешь, взмахнуть руками, а потом присесть, и чтобы руки уже были впереди.

Каждый вечер после работы Ольга Андриановна шла к кому-нибудь из ребят домой познакомиться с родителями.

Бывало, что засиживалась долго. Говорили обо всем. В первую очередь, конечно, о мальчике или девочке, которые ходят к ней в сад, а потом и о работе родителей, о жизни в колхозе.

Детские ясли существуют в селе очень давно, еще с 1930 года. В Молдине не встретишь, пожалуй, ни одного молодого человека, который бы в свое время не воспитывался в детских яслях. Уже многие годы летом, на время самых горячих работ, открываются по бригадам и детские площадки. А вот постоянного детского сада в колхозе долго не было. Он открылся лишь в 1953 году, когда колхоз окреп и появилась возможность построить для детей хороший дом, пригласить из города воспитателя.

Председатель колхоза Евгений Александрович Петров часто навещает садик, интересуется, чем кормят ребят, не требуется ли им чего.

Если что-нибудь нужно, и сама Ольга Андриановна не стесняется, приходит к председателю и на заседания правления. Чем могут, тем всегда помогают.

Воспитательница часто проводит беседы с родителями. Если беседы проходят в клубе, Ольга берет с собой старших ребят и устраивает маленький концерт: ребята поют, читают стихи. Самое интересное для маленьких артистов — выступления в колхозном радиоузле. Сколько разговоров в каждом колхозном доме после таких детских концертов!

А на следующий день подходят к Ольге мамы, чьи дети почему-либо не посещают сад.

— Ольга Андриановна, мой-то просится тоже к вам. Если можно, он завтра придет.

А в садике жизнь идет своим чередом... С утра ребята делают зарядку, завтракают, потом рисуют, лепят из глины, учат стихи и поют песни, после прогулки обедают и укладываются спать, полдничают, опять гуляют и расходятся по домам.

Детский сад и ясли находятся в самом красивом месте Молдина, в старинном парке, среди лип и берез. Но ребята гуляют не только здесь. Ходят купаться на озеро. В лесу собирают грибы, а на склоне зеленой горки — ягоды и цветы.

Гуляют молдинские ребятишки много и вместе с воспитательницей и одни. Вернувшись из сада, они

— Попробуйте, чем кормят ребят,— предложила повариха Е. Тихомирова заместителю председателя колхоза Главину.

Сегодня в столовой дежурят Вова Петров и Валя Орлова: все будет приготовлено вовремя.

должны зайти домой и сообщить, что пришли (такой уж заведен порядок), а потом могут опять гулять до позднего вечера.

Хорошая закалка дает свои результаты: когда было много заболеваний гриппом и в районном центре Брусново из-за гриппа на время даже закрыли детский сад, в молдинском садике не заболел ни один ребенок.

Ребята вообще здесь болеют редко. Если же это случается, Ольга Андриановна сама ведет заболевшего в медпункт, принимает нужные меры.

Как-то вместе с медсестрой воспитательница осмотрела зубы у всех ребятшек. Тех, у кого зубы были не в порядке, повезли в больницу к зубному врачу. Встречаясь с родителями, Ольга Андриановна не забывает им напомнить, что ребенок должен иметь свое полотенце, есть из отдельной тарелки, спать один в своей кроватке.

Недавно из облоно попросили Ольгу Тимофееву поехать в Торжок, в педучилище, и поговорить там с учащимися дошкольного отделения. В этом году 61 девушка после окончания первого курса поедет на двухмесячную практику в колхозы. Кроме того, многие выпускники будут направлены на работу в сельские детские сады.

В Торжок Ольга приехала с инспектором по дошкольному воспитанию Ираидой Павловной Рудаковой. Ираида Павловна рассказала будущим воспитателям много интересного.

Ольга Андриановна учит ребят рисовать.

На прогулке.
Фото Евгении ОЦУП.

Дошкольному воспитателю в селе приходится куда труднее, чем в городе: ведь часто на детской площадке нет ни специальной детской мебели, ни игрушек, ни книжек. И сразу все сделать, все достать невозможно, надо быть терпеливым и настойчивым. Что-то придумать вместе с председателем колхоза, что-то — вместе с родителями.

Бывают случаи, когда дело не удается лишь потому, что ведется оно слишком вяло. В селе Зубцово, Рамешковского района, где 90 детей только дошкольного возраста, правление все лето собиралось открыть детскую площадку. Даже детские кровати уже купили. Все лето решали, где площадку открыть: в клубе, в школе или в правлении колхоза,— и так и не открыли.

Воспитатель должен добиться, чтобы ребят кормили на площадке вкусно, питательно, разнообразно. В колхозе «Победа», Рамешковского района, заведующей детплощадкой работала пожилая колхозница. Она сил своих не жалела, работала очень много, но некому было ей подсказать, как сделать, чтобы детская площадка была лучше. В 4 часа утра в двух огромных кастрюлях она варила суп и кашу. В течение всего дня, в завтрак и обед, в полдник и ужин, эти суп и каша разогревались для всех ребятшек от 1 года до 7 лет. А колхоз «Победа» — миллионер, имеет фруктовый сад, правлению не жалко для детей ни продуктов, ни средств, но им просто и в голову не пришло, что детей надо кормить как-то иначе.

Для воспитателя не может быть мелочей. Его должно интересовать все: и как прибита вешалка, на которую дети вешают свою одежду, и не вешают ли они вместе с пальтишками полотенца, удобно ли им умываться из умывальника, на чем они сидят, как спят.

Ираиду Павловну Рудакову слушали внимательно, но еще более внимательно слушали Ольгу Тимофееву: ведь всего 2—3 года назад она была такой же студенткой, как они, все эти девушки, сидящие в зале.

Ольга рассказывала обо всем: о том, в каком красивом месте расположено Молдино, о том, как ее встретили в колхозе, о молдинской молодежи и, самое главное, о детском саде. Перед глазами вставали ребята. Вот они делают зарядку, старательно маршируют, и каждый поглядывает на воспитательницу, будто спрашивая, хорошо у него получается или нет.

Какие они озорные и бесстрашные на горке в зимний день! Только поспевай, отряхивай веником с них снег и напоминай о том, что нужно вытереть нос. А как ребята поют про серых гусей или «калинку-малинку» на детских утренниках во время праздников!

А прощание с ребятами, уходящими в школу!.. Самые маленькие преподносят им букеты цветов. Долго еще первоклассники заходят после школы в детский сад, как они говорят, «немножко поиграть».

Ольге Тимофеевой долго аплодировали, видно, она убедила многих: работать с сельскими ребятшками очень интересно.

М. ИСКОЛЬДСКАЯ

Калининская область.

АПРЕЛЬ 1917 ГОДА.

В. ЗОЛОТАВИН.

Этюды Татьяны РАДИМОВОЙ.
г. Горький.

В этом доме на Ковалихинской улице родился Алексей Максимович Горький.

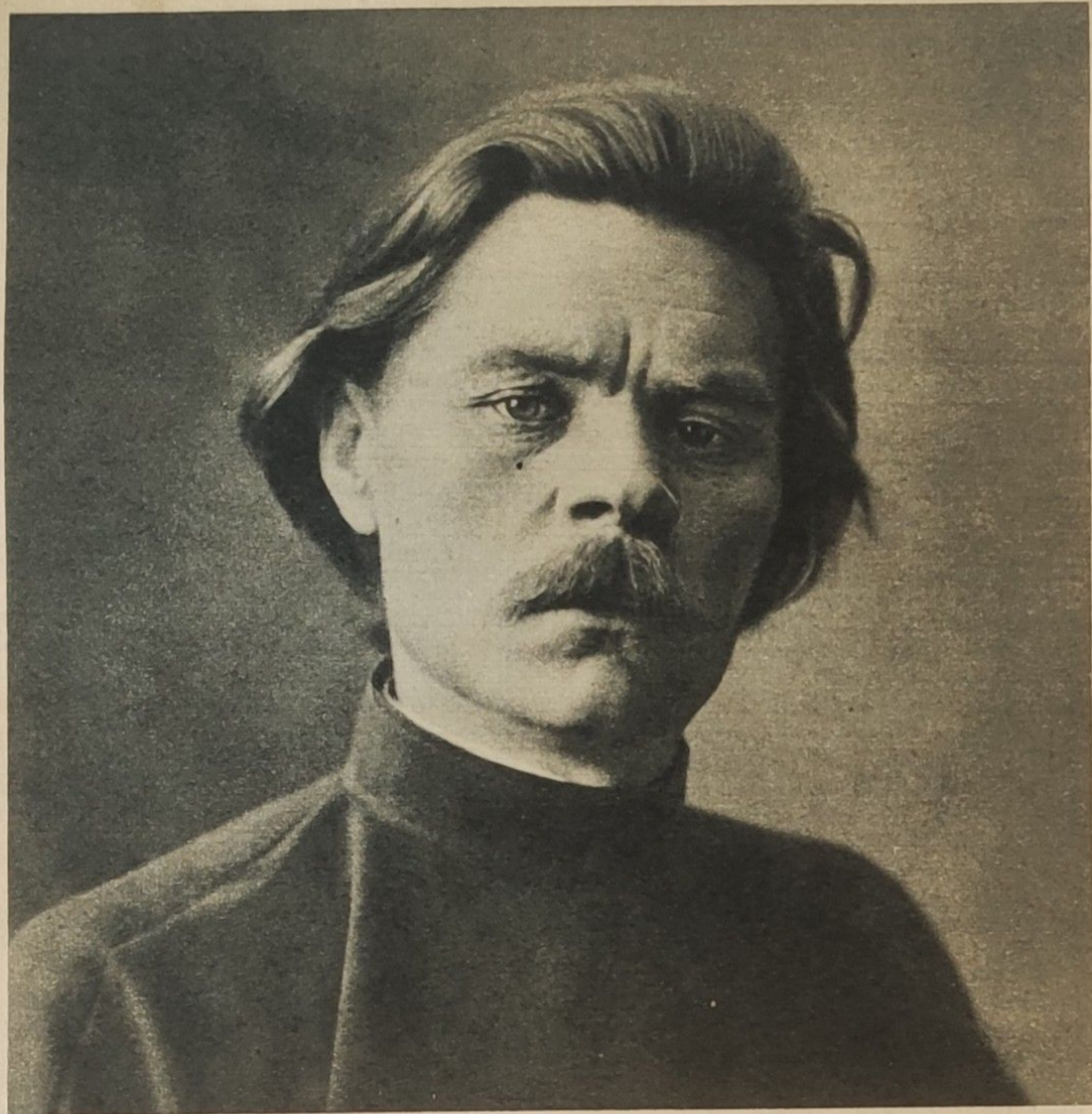

Т. Радимова 1955.

Дом Лемке на улице Короленко, 11. Здесь часто встречались Горький, Шаляпин и Короленко.

Заливные луга у затона Волги — любимые места прогулок А. М. Горького.

КРОВАВЬЮ СЕРДЦА

Осень... По размытой дождями дороге идет человек. Одежда его — плохая защита от непогоды. Из коротких рукавов пиджака видны посиневшие руки. Пудовой тяжестью липнет к ногам черная густая грязь, а ветер резкими порывами ударяет в лицо, пронзительно свистит: «Не пущу!»

Но путник, он еще совсем молод, все шагает вперед и вперед — в мир, который раскинулся перед ним безбрежным океаном людского горя.

Много исхожено дорог, много пройдено городских улиц, сел, хуторов. Сколько было встреч, сколько он видел людей, загубленных жизнью!

Жизнь, такая, как есть, уродливая и нелепая, без всяких прикрас, жизнь с изнанки, вставала перед Горьким во время его странствований. Он слишком хорошо узнал ее с самого раннего детства: она была безжалостна к нему, как и к его близким. Незгладимый след оставили в его душе беспощадные ее уроки — ни с чем не сравнимую боль за людей, за их поруганные, разбитые надежды.

«Хотя бы сдохнуть!..» — с отчаянием вырывается из уст семнадцатилетней Наташи, притаившейся в ненастье под брошенной на берегу лодкой («Однажды вечером»).

«...и если она уже умерла, — как это хорошо для нее!.. — заключает Горький. — А если жива... да не проснется в душе ее сознание падения... ибо это было бы страданием излишним и бесплодным для жизни».

...На пути степной полустанок. Серо и однообразно проходят дни («Скуки ради»). Чтобы развлечься, обитатели полустанка издеваются над кухаркой Ариной, немолодой, забитой жизнью женщиной. Самое дорогое и заветное для нее оплевано, изгажено. В степи, куда ушла Арина, «она плакала и молчала, сдерживая стоны, точно боялась, что кто-нибудь услышит и запретит ей плакать... Под утро она осторожно пробралась на чердак и там повесилась, устроив петлю из веревки, на которой сушила выстиранное ею белье».

В своих скитаниях по России Горький увидел картину, описанную в

рассказе «Вывод». Это было в деревне Кандыбовке, недалеко от Николаева.

...По деревенской улице среди белых мазанок движется странная процессия. Прикрученная веревкой к телеге, еле ступает окровавленная молодая женщина. На телеге стоит огромный рыжий мужик и с каждым шагом методически хлещет женщину кнутом. Толпа захлебывается от восторга, воеет, свищет, улюлюкает.

«Это называется вывод», — просто говорит Горький. Это бытовая картина, обычай. Так наказывают мужья жен за измену.

Все, что видел Горький, не было случайным. Брали верх хищники, топча на своем пути слабых, попирая справедливость, глумясь над святыми. Торжествовал волчий закон капитализма.

Чугунной тяжестью навалился на страну капитализм. Он разорвал и уродовал, загнивая в самом начале своего существования. И Горький, как никто другой из русских писателей, обнажил его язвы. Он показал капитал во всей его звериной сущности, начиная от воротил-миллионеров, цепкой хваткой впившихся в живое тело народа, и кончая «дном», бездной, куда ввергает свои жертвы капитализм и откуда уже никто не подымается, — предел морального и физического падения человека.

Произведения Горького — это обвинения, предъявленные жизнью капитализму, грозное слово прокурора. Беспощадную правду нес Горький в литературу, и чем больше раскрывалась она, тем сильнее было обличение.

Просто, не жалея читателя и потому ничего не смягчая, говорит он о людях, погибающих от неустройства жизни, и страшно делается от этих слов, и больно ударяют они читателя, и никуда не уйти ему от жестокой действительности.

«...Горький прежде всего шел в литературу в сапогах и косоворотке, чачоточный и в то же время могучий, хлебнувший чашу горя и в то же время жаждущий счастья, — пишет Луначарский в статье к 40-летию творчества писателя. — ...шел, чтобы рассказать, не скрывая, страшную правду о «кротах», об их слепой, грязной, жуткой жизни... и в этом была его прокурорская речь...»

Со страниц произведений Горького раздаются голоса обездоленных, замученных капитализмом людей, и не случайно, что так много среди них женщин, ибо была женщина угнетенной из угнетенных и ее безропотная покорность — следствие унижительной рабской доли на протяжении столетий.

Нет, не беспристрастным свидетелем и описателем того, что совершалось вокруг него, был Алексей Максимович Горький. Он не проходит равнодушно мимо обиженных: не думая об опасности, он бросается на помощь слабому, он вмешивается, возмущается, протестует. Избитым в кровь, потерявшим сознание находят его на дороге возле Кандыбовки, где он пытался спасти несчастную женщину. Он не выдерживает издевательств дворника над гуляющей жен-

щиной («В людях»), вступает в жестокую драку с обидчиком, а потом, укрывшись в бурьяне, обезумев от невыразимой тоски, кусает губы, «чтобы не реветь, не орать...».

«...Зачем я рассказываю эти мерзости? — продолжает Горький. — Вам нравятся строки выдуманные, нравятся ужасы, красиво рассказанные, фантастически страшное приятно волнует вас, а я вот знаю действительно страшное, буднично ужасное, и за мною неотрицаемое право неприятно волновать вас рассказами о нем, дабы вы вспомнили, как живете и чем живете...»

Горький всегда считал действительным печатное слово. Он знал по себе, какое впечатление производит на человека хорошая книга, хорошее выступление.

«Литература, — писал он еще в 1899 году, — есть трибуна для всякого человека, имеющего в сердце горячее желание поведать людям о неустойчивости жизни и о страданиях человеческих... о необходимости для всех людей — свободы! Свободы! Свободы!»

На всем протяжении истории русской литературы писатели являли пример самоотверженного служения народу. Они выступали в защиту обездоленного люда. Лучшие чувства будила в людях наша литература.

«...Она сумела, — говорит Горький, — показать Западу изумительное, неизвестное ему явление — русскую женщину, и только она умеет рассказать о человеке с такой неисчерпаемой, мягкой и страстной любовью матери...»

Но даже лучшие из предшественников Горького, рисуя невыносимые условия жизни народа, не могли указать выхода, пути к освобождению. А безысходность порождала тоску, неверие в собственные силы.

Время, в которое творил Горький, несло новые веяния. Чувствовалось освежающее дыхание надвигающейся революции. На арену общественной борьбы выходила порожденная капитализмом новая, растущая сила, самими условиями жизни подготовленная стать могильщиком капитала. И Горький, который с самых молодых лет ненавидел капитал и мужественно боролся за правду жизни, стал певцом этой новой силы. Его роман «Мать», написанный под влиянием революции 1905 года, от первой до последней страницы является апофеозом наступающего рабочего класса.

Вероятно, не многие произведения современной литературы могут попытаться сравниться с этим романом

Передовая статья, написанная А. М. Горьким в № 12 журнала «Крестьянка» за 1931 год.

по произведенному им впечатлению и по степени распространения. Несмотря на рогатки царской цензуры, его читали в России, а для европейских пролетариев «Мать» сделалась настольной книгой.

Владимир Ильич Ленин, прочитавший роман еще в рукописи, до появления в печати, оценил его огромное значение для революционной борьбы. А это означало, что Горький, с самых первых шагов своих в литературе искавший выхода из тупика, в какой завел страну капитализм, нашел наконец твердый и верный путь.

Его произведение «Мать» прозвучало на весь мир как яркая проповедь революционного действия, как призыв к революции. Горький показал в нем рабочих-революционеров, партию, ведущую за собой массы.

Вера в человека была его верным помощником в создании этой бессмертной книги. Героиня ее — Ниловна, неграмотная, забитая мужем, безропотная женщина. Глубокая материнская любовь помогает ей понять высокие идеи социализма, за которые борется ее сын, и пойти с ним одной дорогой. Какое величие духа проявляет Ниловна, простая русская мать!

«Душу воскресшую не убьют!» — вырывается у нее в последние минуты.

«Глаза ее угасали и видели много других глаз — они горели знакомым ей смелым, острым огнем — родным ее сердцу огнем».

Революционеры Горького — люди подвига, они отдают революции себя, свою жизнь. Этого требует борьба, смертельная схватка с сильнейшим врагом — самодержавием.

«Настало время нужды в героическом», — говорил Горький. Надо вырвать человека из скучного, серого, подобно болоту, прозябания. Зажечь его глаза живым огнем. А для этого он должен увидеть светлые, радостные дали будущего. И Горький, правдиво отображая действительность, сумел показать в ней грядущий день, занимающиеся зарницы революции.

Сколько сил придает человеку сознание, что осуществится его заветная мечта! Только мечтой, неясной, туманной мечтой о счастье, хотя бы о просвете в своей собачьей жизни, живет Тереза («Болесь»), живут ею и многие другие, и не сделают ли они невозможного, когда почувствуют, что вот уже совсем близко, уже осуществляется то, о чем они боялись и думать?

Революция победила. Какой непо-

чатый край талантов, какой неисчерпаемый родник энергии раскрылся в народе! Те, кого еще вчера давил, обезличивал капитализм, поднялись на великую всеобщую стройку коммунизма. Большой силой в обществе стала женщина, бесправие которой позорным пятном лежало на истории человечества. Советская власть исправила несправедливость, которая больше всего возмущала Горького.

«Ведь если бы, — неоднократно повторял он, — женщину не уродовали, стесняя круг ее интересов и отталкивая от широкой общественной работы, скорость развития культуры была бы вдвое более быстрой, потому что творческая энергия была бы вдвое больше».

Горького поражало, как быстро входит трудящаяся женщина в роль хозяйки своей страны. Особенно его радовали успехи крестьянок.

В 1934 году он встретился с Ириной Никульшиной, бригадиром из колхоза имени Штейнгарта, Азово-Черноморского края. Его удивило, что семнадцатилетняя девушка руководит большой бригадой взрослых людей; но больше всего его удивило, что сама Никульшина не видит в этом ничего необычного.

На глазах Горького совершался переворот в деревне, и он хорошо видел и понимал, как много значит коллективизация. Он был ее горячим проповедником.

«Начинается новая жизнь, достойная людей труда... — писал Горький в журнале «Крестьянка» в 1931 году. — Эта жизнь не за горами и она будет организована тем скорее, чем скорее деревенская женщина поймет, насколько выгоден для нее колхоз и как освобождает он ее от бытовой каторги, которая преждевременно старит и увечит ее, награждая разными болезнями...»

Человек большого сердца, познавший все многообразие жизни, Горький учил никогда не забывать «ядовитой мерзости прошлого», ибо только тогда молодежь поймет все величие работы, проделанной партией.

* * *

Начиная свою литературную деятельность, Алексей Максимович Пешков назвал себя Горьким. Много горькой, мучительной правды открывал он людям. «Быть может, он был немножко удивлен, когда толпа закричала: какой ты горький?.. Ты — светлый, ты радостный, ты солнечный, ты дерзновенный, — и понесла его на своих плечах», — пишет Луначарский в предисловии к изданию Собрания сочинений М. Горького в 1933 году. Так велика была в творчестве Горького бодрящая струя радости жизни и любви к человеку.

Идут годы. Все дальше уходят в прошлое уродливые тени капитализма, и все ярче и ослепительнее разгораются огни коммунистического будущего. Озаренный их сиянием встает перед нами во всем многообразии своего таланта великий пролетарский писатель Алексей Максимович Горький.

М. ЕРЕМЕЕВА,
кандидат филологических наук.

КРЕСТЬЯНКА

№ 12 ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б)

ГОД ИЗДАНИЯ ДЕСЯТЫЙ

ИЮНЬ 1931 г.

12 МИЛЛИОНОВ 838 ТЫС. ХОЗЯЙСТВ В КОЛХОЗАХ

МОЛОДЫЕ ХОЗЯЕВА ЗЕМЛИ

Как-то на районном партийном активе в Солнцево к председателю колхоза «Большевик» Соколову подошел знакомый — председатель соседнего колхоза:

— Правда ли, что ты, Константин Алексеевич, опять дал молодежи пятнадцать тысяч на костюмы для самостоятельности?

— Верно, выделили. Не я, конечно, а правление...

Собеседник покрутил головой и осуждающе прищелкнул языком:

— То духовой оркестр, то костюмы... Щедрый ты не в меру. Землю-то не дудками пахут, да и коров доят не в цветных сарафанах. А молодежь я знаю: ей только дай да дай...

— Неверно, — возразил Соколов. — Наш колхоз много дает молодежи, но она колхозу — куда больше.

— Ну, что она дала?

— Да почти ничего, — улыбнулся Соколов, — кроме свеклы, кукурузы, молока, мяса... Ты лучше поговори с нашим бухгалтером — она у нас, кстати, секретарь комсомольской организации...

И Валя Тихонова точно, как и положено ей по профессии, рассказала, сколько в колхозе молодежных полеводческих звеньев, сколько комсомолок работает на фермах. Между прочим, заметила, что одно только комсомольское свекловодческое звено Гали Доренской дало за год артели 125 тысяч рублей дохода.

— Да ты постой, — заинтересовался собеседник. — Ты подробнее расскажи! Валя пожала плечами:

— Чего тут рассказывать? Работаем — и все.

А рассказать, думается, стоит...

Место в жизни

Что делать человеку, когда за спиной у него семилетка, а впереди вся жизнь, да такая, что ни взглядом, ни мыслью ее не охватишь, и надо искать в ней свое место?

Некоторым из одноклассников Гали Доренской все было ясно. Один хотел стать инженером. Другая твердо решила сделаться знаменитой киноактрисой. У Гали же никаких определенных планов не было. А тут еще мама заболела... И без особых колебаний Галя пошла работать в колхоз.

В глубине души у нее таилось смутное сожаление: некоторые из ее товарищей, наверное, станут знаменитыми людьми, вся страна будет глядеть на них с вос-

торгом и гордостью. А Галя так и будет жить в деревушке под Курском. Только и останется ей в утешение иногда похвастаться:

— А я с ними когда-то в одном классе училась!

Весной 1956 года комсомольская организация колхоза «Большевик» решила организовать комсомольско-молодежное свекловодческое звено. Звеньевой избрали Аню Вислогузову. Немного погодя и Гале Доренской поручили собрать такое же звено. Звено было лишь наполовину молодежным. Попали в него и женщины в летах. Галя была довольна: ведь у них можно многому научиться.

Звено собрало по 311 центнеров сахарной свеклы с гектара, а девочки Ани Вислогузовой — по 336 центнеров.

А осенью Галино звено распалось. Женщины пошли в другие звенья: хоть и приятно, когда тебя называют молодежью, но в 40—50 лет все-таки неловко. Были и такие девочки, которые решили искать работу полегче, чтобы вставать попозже, на танцы прибегать пораньше. И они ушли из звена.

Сразу же после уборки Галя собрала новое звено — целиком молодежное.

Когда речь шла об обязательстве на следующий, 1957 год, девушки заспорили: бороться за 400 центнеров с гектара или за 500? Галя пошла советоваться к председателю колхоза: он агроном, ему лучше знать. Константин Алексеевич выслушал ее и сказал:

— Боритесь за шестьсот.

— Что вы, — испугалась Галя, — ведь в прошлом году даже по 400 центнеров мало кто в области собрал!

— А с каких это пор комсомольцы стали назад оглядываться? — поинтересовался председатель. — Давай-ка лучше возьмем карандаш и подсчитаем. На

Звеньевая Галина Доренская.

гектаре у нас должно быть по 100 тысяч корней. Если каждый корень потянет 600 граммов, как раз и получится 600 центнеров с гектара. А на нашей курской земле корень меньше 600 граммов — это вообще не корень, а хвостик. Словом, если уж назвали звено комсомольско-молодежным, так работать надо по-комсомольски.

Убедил...

Конечно, не все в поле получалось так гладко, как на листке бумаги. То заморозки, то дожди на неделю. Но Галино звено и в дождь выходило на прорывку.

Особенно трудно пришлось во время уборки. Комбайн не брал крупных корней, приходилось дергать их руками. От темна до темна работали девочки в поле.

Наконец последняя машина ушла на свеклопункт. Когда подсчитали, оказалось, что Галино звено дало колхозу по 642 центнера сахарной свеклы с каждого из семи гектаров — больше всех в области.

За высокий урожай правительством наградили Галию орденом Ленина, а девочек из ее звена: Раю Доренскую — орденом Трудового Красного Знамени, Таю Березко — орденом Знак Почета.

На первом же после уборки комсомольском собрании было создано еще четыре молодежных звена. Уговаривать никого не приходилось.

Все звенья взяли большие обязательства: получить 500—600 центнеров сахарной свеклы с гектара. А звено Гали Доренской в этом году борется за восемьсот.

Теперь Галя не сомневается, правильно ли выбрала дорогу в жизни. Ее судьба в ее руках. Может быть, пройдет несколько лет, и известные инженеры и артисты станут хвастаться знакомым:

— Читали про Галину Доренскую? А ведь мы с ней в одной школе учились!

«Мамина дочка»

Раньше эта девочка часто появлялась на ферме. Открывала тяжелую дверь, с опаской проходила мимо быков.

Доярки улыбались:

— Пришла «мамина дочка»! Ну, иди, иди, помогай матери.

И Валя «помогала»: придерживала подойник, совала сено прямо в рот коровам. Коровы вежливо отворачивались, а Пелагея Ивановна Квасова терпела и

даже хвалила Валию: пусть присматривается.

Шло время, и теперь Валя Квасова действительно помогает матери. Правда, не очень-то хорошо сперва получалось: пока Валя одну корову подоит, мама с тремя управится. Несколько раз, когда Пелагея Ивановна уезжала в город, Валя на целый день заменяла ее.

А потом Пелагея Ивановна тяжело заболела. Лежала в постели и, тревожась, ждала дочь с фермы. Спрашивала:

— Болят руки-то?

— Да нет, мама, что ты!

Пелагея Ивановна сердилась:

— Это ты кому другому скажи. Чтоб у доярки поначалу да руки не болели! Эх, встать бы скорее!

А когда Пелагея Ивановна выздоровела, Валя не ушла с фермы. Сказала матери:

— Бери, мама, работу полегче. А за коров своих не беспокойся.

Валя зашла к заведующему молочно-товарной фермой, он же парторг колхоза.

— Владимир Петрович! Комсомольцы постановили, чтобы мне постоянно работать дояркой.

— А чтобы тебе малость подрасти, такого постановления не было! — спросил парторг.

— А я за работой скорей подрасту.

— Ну, ладно, — согласился парторг. — Только учти: мать твоя в прошлом году, хоть с кормами трудно было, надоила по две с половиной тысячи килограммов от коровы!

Трудно работать на ферме, когда тебе семнадцать лет, а на улице — зеленый, теплый май. Первая дойка в четыре утра, третья — в шесть вечера. Только успеешь поужинать, управиться по хозяйству, — глядишь, уже стемнело. А значит, пора... спать, думаете? Нет. Кому спать, а кому и на танцы. Вот и получалось, что иногда прямо с танцев Валя спешила на ферму.

Но это не помешало Вале надоесть за прошлый год по 3 300 килограммов молока от каждой из одиннадцати коров своей группы. Впереди оказалась только Ирина Романовна Медведева — мамина подруга, опытная доярка.

Теперь, глядя, как быстро и ловко летают над ведром чуткие пальцы Вали, старые доярки говорят с уважением:

— Мамина дочка. Тут уж не ошибешься — Квасова...

В клубе состоится...

Парень растягивает меха, старается вовсю. Да нет простора «амурским волнам» в тесной избе.

Парни и девушки толкуются между кроватями и стульями. Те, кому места для танцев не осталось, сидят по углам и ворчат:

— Разве это танцы?

— Написать бы жалобу, что председатель клуб не строит.

— Вот в городе...

Член комитета комсомола Толя Дорохов сердито крикнул:

— Да будет вам плакать! Председатель, председатель... Как маленькие! Нас вот, комсомольцев, в селе полсотни. Неужели сами клуб не сможем построить?

Валя Квасова.

И вот шумит комсомольское собрание. Прямо на собрании выделили ребят в строительную бригаду. Бригадиром выбрали Толю Дорохова.

Оказалось, что руководителей колхоза за тоже не надо агитировать. Поговори с делегацией молодежи, председатель колхоза тут же начертил карандашом примерный план нового клуба. Прежде всего зал на двести пятьдесят мест. Затем...

— Обязательно надо стационарную киноустановку, — подсказал парторг.

— Еще комнату для библиотеки и спортзал, — вставила Валя Тихонова.

Комсомольцы пришли на пустырь, что возле правления. Яму под фундамент вырыли за один день. Старый каменщик Петр Алексеевич Мухин поставил кирпичные столбы, и потянулись вверх шлакобетонные стены. А праздник сорокалетия Октября колхозники встречали уже в новом клубе.

На площадке возле правления вырос не только клуб, — выросли и сами строители. Поэтому, когда решили строить в колхозе детские ясли, комсомольская организация направила на строительство комсомольцев.

Это-только начало!

...Клуб. Зал на двести пятьдесят мест, и все двести пятьдесят заняты. На открытое комсомольское собрание пришло полсела. Тут и молодые свекловоды, и старая учительница, и пятиклассники, гордые уже тем, что их не гонят с собрания.

На повестке дня один вопрос: «Поход комсомольцев и молодежи колхоза «Большевик» за культуру».

Валя Тихонова говорит:

— За последние годы мы кое-что сделали. Клуб вот этот построили, помогли ясли строить... Посадили сад — сорок гектаров... Создали кружки самодеятельности: хоровой, танцевальный, драматический... Наши спортсмены заняли призовые места на районных и областных соревнованиях... Но вы, конечно, сами понимаете: это — только начало!

И парторгу Владимиру Петровичу Медведеву многое напоминают эти слова. Ведь его поколение, построив Комсомольск, Магнитку и Днепрогэс, задорно бросило в лицо ошарашенным капиталистам:

— Это — только начало!

И, может быть, через годы молодежь, сидящая сейчас в этом зале, построив Енисейскую гидроэлектростанцию и запустив ракету на Марс, деловито скажет:

— Это — только начало.

А пока выступают комсомольцы и говорят о ближайших своих делах, о том, что надо сделать за два года.

Будут построены медпункт с родильным отделением, школа-десятилетка. Будет проведено паровое отопление и в клуб, и в медпункт, и в ясли, и в правление. Будет заложен парк и разбит сквер...

Выступают комсомольцы.

На стене портрет Ильича с характерным прищуром добрых всевидящих глаз. И, приди он сюда, хорошее слово сказал бы собравшимся в этом зале своим внукам, молодым бойцам союза, который по праву назван его именем.

Л. ЖУХОВИЦКИЙ

Солнцевский район,
Курская область.

ЛЕГЕНДА ОБ ОСТРОВЕ МУДЬЮГ И МИЛОСЕРДНЫХ СЕСТРАХ

В 1918 году Советский Север оккупировали американцы, англичане и французы. Земля покрылась тюрьмами. Самые страшные лагеря находились на Мудьюге и Поканье.

Мудьюг — остров на Белом море. До сих пор стоят там убогие бараки. Вот изба для пыток, где еще торчит болт из стены, вот карцеры — погреб без печей и окон.

На страшном острове, обнесенном колючей проволокой, томились большевики, родные красноармейцев и партизан и просто попавшие по недоразумению люди. Никто не надеялся выйти отсюда живым.

Пленники получали в день по несколько галет и жидкую похлебку. Люди умирали от голода, тифа, цинги, от непосильной работы.

В сентябре 1919 года большевики подняли здесь восстание и с боем вырвались на волю.

Много легенд сложено на Севере о Мудьюге. Вот одна из них.

* * *

Шло лето 1919 года. Недалеко от ограды лагеря с заключенными две девушки косили зеленый луг. Старшую, черноглазую красавицу, звали Дуней, а ее младшую тезку прозвали за светлые косы Светлушкой.

Обе они работали у богача Епимаха Трески. Хозяин приказал им жить в шалаше на острове, пока не скосят всю траву.

Еще совсем недавно считалась рыбачка Дуня богатой невестой. Ее просватали за Анисима Сказова из соседней деревни. А на масленицу появились в деревню американские солдаты. За ними лошадь тащила воз, на котором поверх бревен лежала бочка керосина.

Солдаты впрягли в сани Дуниного отца. Старик споткнулся, упал. Американец пристрелил его на месте. Мать выскочила, стала проклинать убийц. Тогда они облили керосином избу и сожгли.

Мать умерла с горя. Стала Дуня батрачить у Епимаха Трески и подружилась со Светлушкой. Вскоре узнали девушки, что Анисим ушел из родной деревни и просил передать невесте, что откладывает свадьбу до возвращения.

Однажды хозяин послал Светлушку в лес за хворостом. Там повстречались ей солдаты-чужестранцы. И не сдобровать бы девушке, не спастись от насильников, да выскочил из чащобы партизан матрос Андрей. Отбил девушку и до деревни довел.

Много потом рассказов слышала Светлушка про отряд матроса Андрея.

- Кто мост взорвал?
- Матрос Андрей!)
- Кто вражеский поезд под откос пустил?
- Матрос Андрей!
- Кто английский склад поджег?
- Матрос Андрей!

А летом узнала Светлушка, что Андрей контужен в бою и взят в плен. Враги отправили его на Мудьюг, на тот самый Мудьюг, где уже томился родственник Светлушки, слесарь Елизар.

Теперь девушки все и высматривали на Мудьюге Елизара да Андрея. Подруги старались быть поближе к ограде в те часы, когда пленников выгоняли на работу.

Однажды увидели Елизара. Жел-

тый, худущий, грязный. А солдат колотит его прикладом, кричит:

— Работать! Работать!
В лагере даже петь запрещалось, и девушки решили хоть песней заключенных порадовать. Как начальник уедет в Архангельск, подруги и запоют песню, что сами сложили:

Не горюйте, не робейте, молодцы,
С вами всей душой простой народ.
Мы поможем вам на волю убежать.

И так хорошо, звонко пели девушки, даже конвоиры их заслушивались. Многие солдаты-французы лучше стали обращаться с заключенными. Матрос Андрей Рюмин с грехом пополам знал французский язык. Часами слушали иностранные солдаты Андреевы речи о том, что Советская власть борется за счастье тружеников.

Пленники голодали. Девушки стали приносить к ограде то корзины голубики, то грибов, то свежей рыбы.

Первый-то раз, когда девушки ягоды принесли, часовой и брать не захотел, но Светлушка показала на себя и на Дуню и говорит:

— Здесь Елизар сидит, родич наш. А это ему от нас, от сестер!..

— Сестер... — Лицо солдата дрогнуло. Видно, вспомнил своих сестер-батрачек, взял корзину, и с тех пор и он и другие часовые принимали передачи.

Однажды Дуня увидела Анисима. Его с корабля гнали в лагерь. Заметил и он Дуню, кивнул головой, невесело улыбнулся.

А у девушки все одна дума: знает он или не знает, что она теперь бесприданница? Если знает, наверно, откажется от нее.

Елизар и Анисим только что тиф перенесли, но и их выгоняли на работу вместе со всеми. На тяжелых носилках с горки таскали они песок и засыпали впадину. Ночью морской ветер уносил песок, и утром все надо было начинать сначала.

Однажды высокого Анисима да малорослого Елизара заставили носить бревно. Анисим поскользнулся на грязной дороге, выпустил из рук бревно, и оно придавило Елизара.

Наутро, когда Светлушка принесла передачу, часовой отказался взять корзину:

— Твой родич умер!
Но девушка указала рукой на матроса Андрея, на заключенных.

— Все они мои родичи!
Вечером Дуня сказала подруге:
— Нет, разлюбил или не разлюбил меня Анисим, а надо помочь им всем бежать отсюда, пока целы.

Заключенные и сами готовились к побегу. Решили или вырваться на свободу или погибнуть.

От своего скудного пайка откладывали они по одной галете. Побег назначили на 15 сентября.

Когда начальник лагеря уезжал в город, часовые позволяли петь. Матрос Андрей, как и Дуня, тоже начал песни складывать и пел:

В сентябре, в денек ненастный,
Улетели б молодцы
Да на карбасах смоленых
Прямо в море-океан,
Только где же раздобыть нам
Эти лодки, карбаса?

Светлушка сообразила, что неспроста поет матрос такую песню, и завела в ответ:

Две лебедушки пригнали
К побережью корабли.
Пусть на волю улетает
Стая сизых соколов.

В песне же матрос дал понять девушкам, на какой день назначен побег.

Девушки тревожились: лодок много надо. У хозяина Епимаха Трески три парусных баркаса на волнах качаются. Да ведь этого мало...

— У Епимаха и не спросимся, сами ночью его баркасы угоним, — говорила Дуня. — А вот остальные надо у соседей попросить.

Обратились к самым бедным. И ночью начали подплывать к острову рыбацкие баркасы.

Начальник лагеря всегда под 15-е число в город уезжал и сейчас уехал. Его помощник заметил баркасы и спросил крестьянок:

— Это зачем, бабы, здесь столько лодок?

— За сеном приехали, батюшка, за сеном, — отвечали женщины, показывая на стога.

Андрей утром увидел, что возле берега, где стояли высокие стога, качается на волнах множество лодок и баркасов. Обе подруги таскают туда сено для отвода глаз.

А караульный офицер все же встревожился: уж очень возбуждены нынче солдаты. Он сменил часовых, поставил роту надежных белогвардейцев. И только десятку заключенных разрешил пойти работать в мастерскую. Среди этих десяти оказался Анисим. И он и товарищи не подвели. Распахнули двери барак, закричали:

— Выходи! Свобода!

Заключенные с криком «Ура!» выбежали из барак, вырывали винтовки у растерявшихся солдат. Но вот затрещал пулемет. Одиннадцать беглецов упали убитыми, но зато другие уже прыгали в лодки. Анисим последним перескочил через ограду. Пуля угодила в ногу Андрея, но его подхватили под руки девушки, положили в баркас на свежее сено.

Строчили пулеметы. Солдаты металась, не зная, то ли задерживать оставшихся в лагере, то ли беглецов ловить. Несколько конвоиров кинулось на берег. Но было уже поздно: беглецы угнали все баркасы и лодки, преследовать их было не на чем.

Еще в баркасе спросила Дуня Анисима, слышал ли он, какое горе ее постигло. Он кивнул головой, и у Дуни сердце замерло.

— Значит, бросишь?

Но Анисим ласково взял Дуню за руку и проговорил:

— Век тебя не брошу!.. Я свадьбу отложил, потому что в партизаны ушел, а за твоё страдание, за подмогу твою ты мне еще милее стала!..

Беглецы добрались до берега. Скрылись в лесу. Поочередно несли на самодельных носилках раненого Андрея. У него распухла, загноилась рана. Дорога тяжелая, по чащобе, через бурелом.

— Возвращайтесь домой, — говорил Андрей девушкам, — опасно, девки, с

большевиками идти. Идите, милосердные сестры, и не поминайте нас лихом!

Дуняша подумала и говорит:

— А нам с подружкой некуда возвращаться. Нас Епимах Треска не простиет. Нам только с большевиками по дороге.

Никто из встречных не знал толком, где Красная Армия. Где-то возле Пинеги. Но где? И беглецы брели наобум по лесам.

Собирали девушки поздние ягоды и грибы, варили на костре похлебку в ведрах, что захватили с собой. Перевязывали рану Андрея. Только ему все хуже и хуже становилось. Он понимал, что задерживает беглецов, что трудно им, истерзанным, голодным, его нести. Стал просить, чтоб оставили его одного в лесу. Долго уговаривал, все не соглашались товарищи.

Наконец он сказал:

— Ведь я один вас задерживаю, а тысячи людей ждут Красную Армию. Рассказ о Мудьюге поднимет народ.

Тогда сплели Андрею шалаш, положили его на хвою. Дали ему спички, топор, грибов набрали.

Грустным было прощание. Матроса оставляли умирать одного в непроходимом лесу. Андрей улыбался: видно, радовался, что развязал товарищам руки. Поцеловались с ним беглецы и побрели...

Так одни рассказывают эту быль. Другие говорят, будто Светлушка сказала:

— Пока Андрей жив, буду за ним ухаживать. Умрет, глаза закрою и вас разыщу. Мой отец здешний, был он звероловом, я лес как свои пять пальцев знаю.

И осталась возле раненого. Через несколько дней заблудились беглецы. Вдруг слышат, кто-то поет печальную песню про золотое колечко. Пошли на голос, глядят: на полянке Светлушка стоит, плачет и поет. Умер Андрей на ее руках, и она догнала товарищей. После двадцати пяти дней скитаний вышли они на Пинегу к отрядам Красной Армии. Наши части как раз готовились к наступлению.

Красная Армия выгнала врагов с Севера. Архангельск был освобожден. Туда вместе с красными полками вошли Анисим и обе подруги, теперь санитарки.

Они узнали, что палачи устроили после восстания кровавую расправу с заключенными. Одних расстреляли, других бросили в темницы. Палачи перевезли пленников на Поканьгу, остров на Ледовитом океане. Бежать оттуда невозможно. Здесь заключенных поселили в фанерном бараке, где под койками лежал снег.

7 ноября начальник лагеря приказал обстрелять барак. Тридцать заключенных было убито и ранено. Так враги ознаменовали наш праздник.

* * *

Зимнее солнце озаряло старый корабль. Он плыл из Архангельска на Поканьгу, чтобы перевезти недавних заключенных на материк.

Обе подруги тоже были здесь. Корабль причалил. Светлушка схватила простреленное красное знамя и пер-

вой выскочила на берег. Навстречу брели и ползли едва живые пленники.

Девушка кричала им:
— Мы победили!.. Братцы мой, братцы. Жив Октябрь, и вы будете живы!

А ветер разглаживал опаленное в боях непобедимое красное знамя.

А где же теперь подруги? Говорят, они обе в Ленинграде. Старшая давно за Анисимом замужем. А прядильщица Евдокия Ивановна Герасимова недавно проводила на корабль сына Андрея и наказала ему беречь от врагов нашу мирную Родину.

Надежда БЕЛИНОВИЧ

Рисунки Л. ВОЛКОВА.

ВСЕГДА В ДОРОГЕ

(К 70-летию Мариэтты Шагинян)

Вот уже несколько десятков лет эту невысокую женщину можно встретить в самых разных уголках нашей огромной страны. И если вы не знакомы с ней и захотите угадать, чем она занимается, то, пожалуй, вам придет в голову, что она врач, и притом детский.

У нее манеры человека, через чьи руки прошли сотни голосистых младенцев, и резковатый голос, как будто созданный для того, чтобы делать выговоры нерадивым матерям («Разве так, милая, пеленают?»).

Но Мариэтта Сергеевна Шагинян не врач, а писательница. И ее характер удивительно под стать этой неутомимой профессии.

Тридцать лет назад она вложила в уста героя своего романа «Гидроцентральный» слова, в которых так и слышится ее собственный голос:

«...во мне все шлюзы подняты, потоком бьет сила... Жадность необъятная — так сразу и стал бы зарать землю копать, камни класть, станок заводить, на сцене петь, детей учить, чертежи делать, в газете писать, булки печь».

Больше семидесяти книг написано Мариэттой Сергеевной, множество статей и очерков. Кажется, что общего между доктором наук, членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР и автором приключенческого романа «Месс Менд», назвавшимся Джимом Долларом? Между

Сделать это по тогдашним временам было вовсе не легко. Но это ее не смутило.

«На следующее утро я проснулась в той напряженной устремленности к цели, какая, должно быть, бывает у стрелы, спущенной с тетивы... С того утра целый год и два месяца я жила только одной мыслью и в реализации ее не знала ни отдыха, ни усталости».

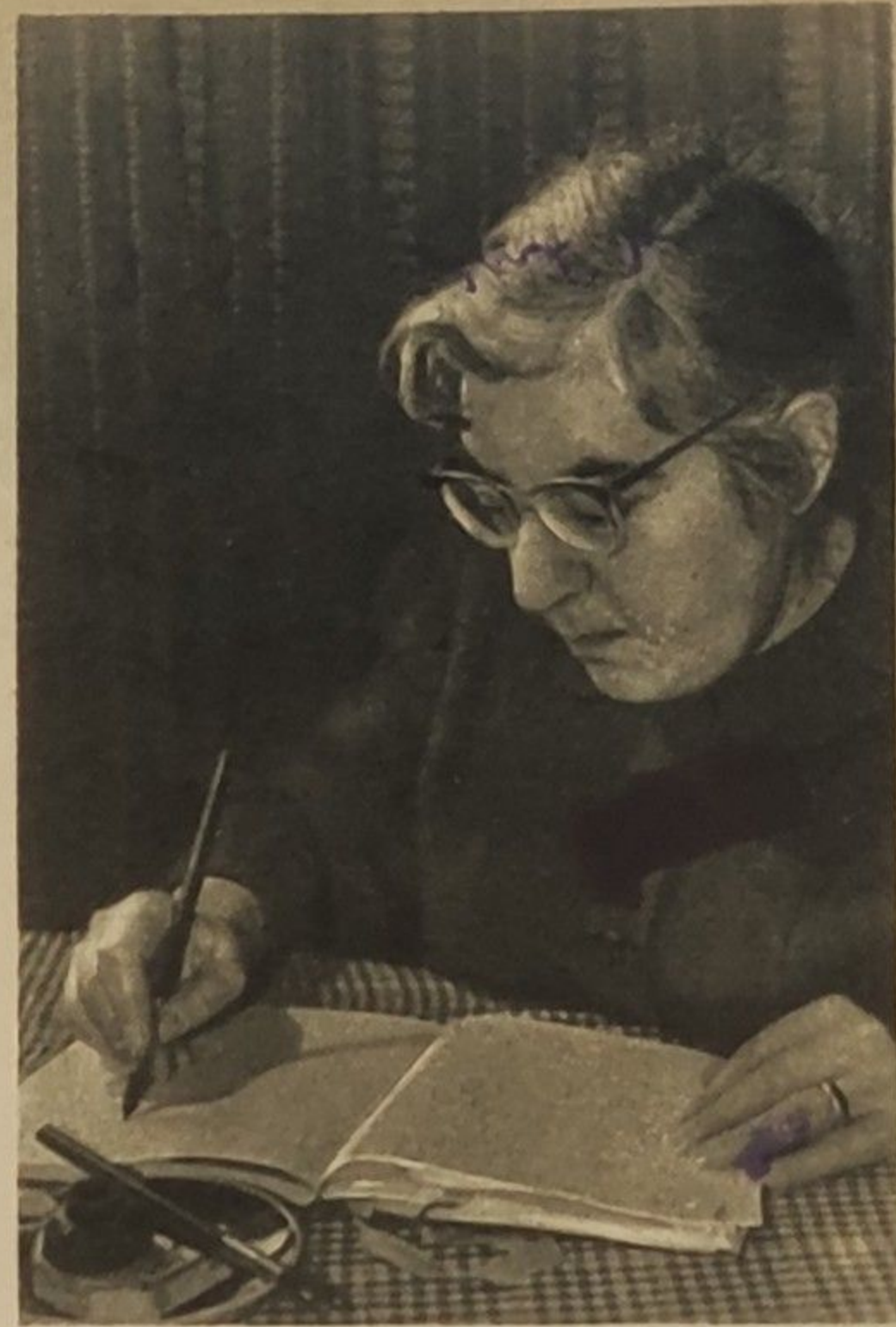
Эта целеустремленность составляет и поныне одну из замечательных черт Мариэтты Сергеевны. Она вникает во все, даже самые мельчайшие обстоятельства порученного ей или просто заинтересовавшего ее дела, и подчас добровольно принимает на себя, казалось бы, не свойственные литератору обязанности.

Так, она не просто описала строительство одной гидроэлектростанции в Армении в своем романе «Гидроцентральный», но и сама в течение четырех лет непосредственно участвовала в жизни и работе строителей, выступая в газетах со статьями о насущных нуждах Дзорогагса и даже отправляясь на заводы добиваться необходимого оборудования (одна из таких поездок описана, например, в очерке «Дело было в Харькове», другая — в «Случае с выводом»). Недаром по окончании строительства Мариэтта Шагинян была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

В своем романе «Гидроцентральный» писательница показала замечательную способность коммунистов ухватить основное значение быстро меняющихся событий, разобраться в путанице обстоятельств, человеческих чувств, симпатий и антипатий и, пользуясь полученным знанием, не плыть по течению, а умело двигаться в нужном направлении.

С восхищением пишет М. Шагинян о вдумчивом, внимательном, безбоязди разбогатели. А чем богаче народ, тем больше у него сбережений, — радуюсь за своих вкладчиков, говорит Анна Никитична.

На глазах работников сберегательных

войны, навязанной нам немецким фашизмом. Но фактически оно прозвучало много раньше, в описании одного из любимых героев писательницы, которая часто доверяла ему высказывать ее собственные сокровенные мысли:

«Ему невозможным стало быть вне партии, его потянуло в партию... Быть частицей этого могучего, коллективного, единственного в мире движения к правильному действию, движения к истине в огромном круговороте мирских страстей и поступков. Только ясная мысль коммуниста-большевика, мысль партии, пробираясь сквозь все заторы, отменяя, ломая, пронизывая их, указывает человеческой совести дорогу к истине».

Возраст, болезни — все словно бы сговорилось мешать Мариэтте Шагинян, сбить ее стремительный и напряженный рабочий распорядок. Но у околов миллионы рублей трудовых сбережений отдали шубинцы на сохранение государству.

А. СТОЯКИНА

— Ну-ка, Рая, заполни ордерок, у тебя почерк красивее.

из эвакуации, можно их получить, да еще с процентами.

Вскоре колхозница взяла часть своего вклада на ремонт дома.

— Спасибо государству за то, что оно сохранило мои сбережения!

О своей радости старушка говорила соседям, выступала по радио.

Живой рекламой стал и Дмитрий Тимофеевич Пикулин.

Был Пикулин когда-то безлошадным крестьянином, добровольцем пошел в Красную гвардию защищать отвоеванную у помещиков землю. А когда вернулся, пахать землю было нечем. Как красногвардейцу ему в первую очередь государство выдало ссуду — сто пятьдесят рублей.

— Взял я деньги, но тут же спросил: «А чем отдавать буду?»

Хорошо в новом доме, построенном на свои трудовые сбережения!

АНЮТА

Виталий ГУБАРЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Рассказ

Иван Гаврилович Сердечнов, председатель одного из лучших на Ставрополье колхозов, высокий, сутуловатый мужчина с желтым лицом и грустными глазами, поздним вечером в субботу вернулся домой из дальней поездки и сейчас же послал сынишку за колхозным завхозом Галушкой.

Своего болезненного председателя (он страдал язвой желудка) колхозники любили, а иные и побаивались. Прислали его из области три года назад, и за это время дела в колхозе невиданно поправились. Агроном по образованию, рачительный хозяин, был он сам безупречно честен и трудолюбив и строжайше требовал этого от других. Поэтому маленький, коренастый завхоз Галушка очень забеспокоился, услышав, что его вызывает в такой поздний час председатель. «Не приведи бог, ежели узнал, что в кладовой кое-какие документы не оформлены,— натягивая сапоги, думал завхоз со смешанным чувством страха и злости,— засадит тогда, чертяка, в каталажку! Как пить дать, засадит! Вот вернулся, анафема, не в срок!»

Он уже было двинулся к двери, но, мельком взглянув в зеркало, вдруг застыл на месте и поморщился, словно у него заныл зуб. Смотрела на Галушку из зеркала небритая одутловатая физиономия с темными мешками под узкими, мутными и заплывшими глазками, с фиолетовыми жилками на толстом и красном, словно отполированном, носу.

— Ммм...— глухо простонал завхоз.— И как это меня разукрасило! Не надо было нонче пить с кумом... Слухай, мать,— нерешительно обратился он к жене,— ты того, поди-ка сюда, понюхай, дюже ли от меня пахнет или нет!.. А то не любит этого Сердечнов, нехай ему грец!

Он старательно дохнул в лицо жене. Она отшатнулась и только покрутила головой, страдальчески скривившись.

— Пахнет, стало быть...— горестно вздохнул Галушка.— Дай-ка мне, мать, сухого чаю пожевать, может, отобьет запах.

В соседней комнате залихватно рассмеялась пятнадцатилетняя дочь Анюта:

— Вы, батя, сухого сена пожуйте!

— Чего? — не сразу понял Галушка.

— Сена пожуйте...— давась от смеха, с трудом выговорила Анюта. Она уже легла спать, было слышно, как под ней весело поскрипывает кровать.

— Вот я тебя, негодницу, ремнем по голым ляжкам! — сердито закричал Галушка.— Не иначе, вас в школе учат над родителем зубы скалить!

Он в сердцах лягнул сапогом набухшую дверь и вышел на крыльцо.

Теплый октябрьский вечер был тих и черен. В небе бескрайно дымился великий звездный путь. Из-за дома, от укутанного тьмою садочка, тянуло прелым вишневым листом. Где-то далеко, на краю станицы, басовито брехала собака.

Галушка рассеянно взглянул на звезды и, морщась, пожевал губами, ощущая во рту невообразимую гадость от обильного дневного возлияния. Он шумно сплонул и, завернув к бочке с дождевой водой, пополооскал во рту. Мохнатый щенок Жучок потерялся в темноте о его сапог.

— Пшел! — недовольно сказал завхоз и слегка пнул Жучка носком.— Тебе бы, дураку, в мою шкуру, ты бы тогда не терся! Господи боже мой! И кто эту растреклятую водку выдумал на наше горе!

У дома председателя Галушка задержался, не сразу решаясь переступить порог. «Ежели на этот раз пронесет,— подумал он и перекрестился,— в жизнь ее, растреклятую, больше в рот не возьму!»

С этой мыслью он прошел на цыпочках через темные сени и осторожно открыл дверь.

Председатель лежал в горнице на диване, исхудавший, с пепельным лицом, прикусив обескровленную губу и прикрыв ладонью глаза. Испуганная жена его сидела рядом и что-то шептала горячо и озабоченно. Он молча качал в ответ головой, не отнимая от глаз руки.

— Ах ты, горе какое! — зашептал с порога Галушка и помял в руках шапку.— Опять приступ?.. С приходом, Иван Гаврилыч!

— Здравствуй, Федор Ильич,— слабым голосом проговорил председатель, открывая глаза,— садись рядом... Зна, уступи ему место, пожалуйста...

«Кажись, все в порядке, иначе бы не предложил сесть»,— подумал ободренный Галушка и громко сказал:

— Это ж немыслимое дело, как ты мучаешься, Иван Гаврилыч! А ежели б резануть эту самую язву на операции? А? Теперича доктора все могут.

— Боюсь, Федор Ильич,— чуть улыбнулся председатель.

— Опять же люди балакают, язву желудка можно спиртом лечить. Ей-богу, Иван Гаврилыч, не брешу! Ста-

кан горькойхватишь раз — другой — и будь ласка, хоть лезгинку танцуй! — бодро продолжал Галушка.

— А ты сегодня не хватил раз — другой? — подозрительно спросил председатель.

Завхоз попытался улыбнуться обидчиво и укоризненно, но улыбка на его припухшем лице получилась испуганной и виноватой.

— Иван Гаврилыч! — заговорил он, прикладывая одну руку к сердцу, а другой закрывая рот и стараясь дышать в сторону.— Как же можно такую обиду человеку делать!

— Ну ладно уж, прости, брат, если понапрасну обидел. Я вот тебя по какому делу потревожил, Федор Ильич... В станице Невинномысской договорил я четыре десятка ульев с роями. Редкий случай подвернулся...

— Великое дело, Иван Гаврилыч! Заведем пасеку, медок будет!

— Деньги я обещал внести в понедельник, а в наличности у нас нужной суммы нет. Вот что я надумал, Федор Ильич. Зайди ты за шофером, нагрузите три тонны муки, ну, ту, которую мы давно для продажи спланировали, — и быстренько на базар, в Ставрополь... Завтра как раз воскресенье.

— Великое дело, Иван Гаврилыч. Только я так рассуждаю, что муку надо везти не в Ставрополь, а в Ростов. Там и базар поболее и цены повыше.

— Далековато до Ростова...

— На машине пять часов туда, пять обратно. Утречком в понедельник положу денежки на стол.

— Ну в Ростов так в Ростов... Кого тебе в помощники дать?

Галушка прищурился, прикидывая что-то в уме.

— Дочку возьму, Анютку, она завтра как раз от школы свободная. За кассира будет... Она по арифметике дюже сильная, Иван Гаврилыч, в восьмом классе учится!

...Еще не рассвело, когда Галушка и рослый чернобровый шофер Даниа нагрузили машину шестипудовыми мешками-крепьшами и присели покурить на приступках амбара.

— Анютка! — хрипловато крикнул во тьму Галушка, сверкая огоньком папиросы и вытирая рукавом мокрый лоб.— Сбегай-ка до Ивана Гаврилыча, нехай документацию подпишет, а то мы как раз не на базар, а в милицию приедем.

От забора отделилась стройная тень, метнулась по улице и сейчас же пропала, растворившись во мраке. Было только слышно, как, удаляясь, дробно стучат по дорожке девичьи туфельки. Анюта давно не спала и была готова к поездке. Ехать в Ростов, в большой, красивый и шумный город с нарядными витринами магазинов, с кинотеатрами, всевозможными киосками и мороженщицами, очень похожими на врачей в белых халатах,— это было настоящим событием в жизни Анюты. Она надела свое лучшее платье и оплела шею раскрашенными монистами из мелких ракушек, которые ей подарил в прошлом году двоюродный брат — черноморский моряк. Красиво заплела свои вороненые косы и вдела

в уши серебряные сережки — два маленьких полумесяца. И теперь Анюта бежала к председателю с единственной мыслью, как бы ее вдруг не оставили в станице, как бы не передумали делать ее кассиром.

Несмотря на ранний час, окна в доме председателя уже светились. Сам председатель открыл ей дверь.

— Батюшки! Какая ты, Анюта, фуфы-нуты! — приветливо проговорил он, и его грустные глаза засветились улыбкой.

— Товарищ Сердечнов! — радостно сказала Анюта, тяжело дыша и щурясь от света. — Подпишите документацию!

— Нет, ты только посмотри, Зина, какая она красавица! — говорил он, вытаскивая ее за руку на свет и отступая, чтобы полюбоваться.

Она и в самом деле была очень хороша, полудевочка-полудевушка, с узенькими плечиками, но уже девически изящная, с гибкой талией и высокими, стройными ногами. На ее разгоревшемся от бега лице счастливо искрились темно-карие глаза, а на тонких крыльях носа бисером сверкали капельки пота. Яркие, пухловатые губы Анюты чуть-чуть подрагивали: ей было и смешно, и приятно, и немножко неловко оттого, что председатель и его жена так внимательно смотрят на нее.

— Ты что же, в одном платье и ехать собираешься? — спросила жена председателя. — Смотри, продует.

— Я жакетку возьму...

— Жакетки мало, Анюта, — серьезно сказал председатель. — Если в кабине поедешь — одно дело, а если в кузове на мешках... передай отцу, чтобы тулуп прихватил... Да напомни ему, чтобы обязательно оформил продажу в базарном комитете. Зина, дай Анюте чемоданчик для денег...

...Когда выехали из станицы, было все еще темно. Тяжело нагруженная

машина шла быстро: совсем недавно она вышла из капитального ремонта. Мотор гудел чуть натруженно лишь на подъемах, когда асфальтированное шоссе взлетало в качающемся свете фар куда-то в темноту, а потом опускалось так быстро, что у Анюты щемило сердце и захватывало дыхание.

Она лежала на самом верху, между мешками, закутанная в тулуп, словно птица в мягком гнезде. Ветер, тугой и прохладный, с ровным шумом проносился над Анютой, но ей было тепло и удобно, и только беспокоила мысль, что платье помнется и пропахнет овчиной. « Попрошу батю купить в Ростове духи «Роза», какими душился Таиска из десятого класса», — подумала она успокоенно.

Мысли летели и клубились в Анютиной голове. Сначала она думала о подругах и учителях, о том, какие все они славные и добрые люди. Потом вспомнила, как на прошлой неделе секретарь райкома комсомола вручал ей комсомольский билет и с улыбкой говорил: « Береги его, Анна!» Секретарь — хороший человек, очень-очень хороший!

А какой замечательный человек Иван Гаврилович Сердечнов! Совсем больной, а так заботится о колхозе и такой душевный! Даже про нее, про Анюту, подумал, как бы она не замерзла, посоветовал тулуп прихватить. Честный человек, настоящий коммунист! За всю свою жизнь, говорят, ни одной копейки из общественного добра не взял! Выходит, значит, можно всю жизнь честно прожить, а вот батя, как выщеп, почему-то всегда доказывает, что все люди немножко жулики и что, мол, если не обманешь, то не проживешь. Язык у него дурной делается от вина...

Сладкая дрема все плотнее и плотнее обнимала ее голову, мягко дави-

ла на веки. Она закрыла глаза. Шумел ветер, однотонно шелестели шины на асфальте, и она заснула.

Анюта проснулась оттого, что по ее лицу поползла какая-то букашка. Она вздрогнула, испуганно отмахнулась и открыла глаза. И сейчас же зажмурилась от слепящих, хотя еще и не горячих лучей оранжевого шара, который высунулся из-за края чуть-чуть задымившейся степи. Было непривычно тихо, пахло холодной землей и бензином. Машина стояла на обочине шоссе, неподалеку от белого здания дорожной станции. Длинная густая тень тянулась от нее по стерне. Шофер Даня сидел на мешке рядом с Анютой и, посмеиваясь, щекотал ее соломинкой.

— Не дури! — сказала Анюта и рассмеялась.

— Ох, какие у вас, мамзель, ресницы! — игриво проговорил Даня, вздыхая. — Ну, прямо как крылья!

— Не дури, пусти, Данька... — покраснела она и, отбросив полы тулупа, поднялась во весь рост. — А где батя?

— Заправляется, — кивнул он на станцию. — Разрешите, мамзель, я вам помогу спуститься?

— Сама спущусь, — нахмурилась она, — уברי руки, Данька! Слышишь?

Анюта прыгнула на землю, расправила на коленях платье и торопливо зашагала к станции. В буфете было пусто, тепло и душновато, как бывает в помещениях, которые еще не проветрили после ночи. На беленых стенах спали мухи. Полная буфетчица с недовольным лицом вытирала на столиках клеенки. Отец, сняв шапку, стоял на пороге и жалобно упрашивал:

— Клавочка, один посошок только!.. Дай ты мне Христа ради, пожалуйста!

— Буфет еще закрыт, гражданин, — сердитым сонным голосом сказала буфетчица, не глядя на него.

— Так ведь только сто грамм, Клавочка...

— Горе мне с вами! — Она отшвырнула тряпку и пошла за стойку. — Ни днем, ни ночью от вас покоя нет!

Анюте было мучительно стыдно, лицо ее ожег румянец, она вплотную подошла к отцу и горячо зашептала на ухо:

— Батя, да как же вам не совестно!

— Ступай, ступай, — негромко заворчал Галушка, — мне поправиться надо...

Анюта бесцельно брела по шуршащей под ногами стерне. Две короткохвостых перепелки быстро-быстро побежали впереди, нехотя вспорхнули и низко над землей полетели в сторону ставка. Набежал свежий ветерок, он принес от хутора горьковатый запах кизячного дыма.

— Э-эге-эй, мамзель, пое-ехали! — услышала она крик шофера и оглянулась. Отец и Даня махали ей у машины шапками. Анюта вернулась к машине. У отца поблескивали повлажневшие глазки; не глядя на нее, он сказал виновато:

— Ты того... не сердчай... — И протянул ей пару толстых конфет в красивых обертках.

— Да ну, батя... — покачала она головой, однако конфеты взяла.

— Ты девчонка, и, значит, не понять тебе, какая необходимость бывает человеку поправиться, ежели он с вечера выпил, — миролюбиво поучал дочь Галушка.

— Вы всю жизнь «поправляетесь»!

— А вот и не всю!

— Теперь, небось, в Ростове «поправляться» будете!

— А вот и не буду! — сказал Галушка и осекся. — Ну, самую что ни на есть малость, может, и выпью...

Утром ехать стало интересней. То и дело мимо мелькали встречные машины, грузовые и легковые.

Миновали Кущевку с низенькими хатами и высоким, словно парящим над степью, элеватором. Пересекли полотно железной дороги и, не сбавляя хода, ворвались в Батайск с такими же приземистыми, аккуратно белеными хатами. Две мохнатые собаки с рычанием погнались за машиной и сейчас же отстали.

Повсюду подле хат в маленьких палисадниках еще зеленели хвостатые петушки и пестрели какие-то осенние цветы.

За Батайском начиналась пойма Дона. Машина шла по высокой насыпи, по длинным белым мостам через частые озера. Вода в них была неподвижной и просвечивала до самого дна. Сверху, с машины, были видны камни и густые изумрудные водоросли, устилавшие дно.

Ростов приближался с каждой минутой, все отчетливей выступая на горе из лиловой дымки. Резко запахло рекой. Шоссе запетляло в камышовых зарослях и вдруг вынесло машину к самому берегу Дона. Могучая река, мутновато-блеклая, широкая и спокойная, холодно заплескалась под деревянным настилом моста. А слева, по высокому железнодорожному мосту, тянулся бесконечный товарный состав, в металлических ажурных пролетах звонко лязгали буфера.

Утренний Ростов, залитый осенним солнцем, по-летнему теплым и ласковым, был удивителен и наряден. Многоэтажные дома взбегали на гору, легкие и стройные. Машина обгоняла их, и они весело подмаргивали Анюте солнечными зайчиками в бесчисленных окнах. Дворники в белых фартуках подметали брусчатую мостовую. На горе, на верхней улице, словно приветствуя приезд Анюты, зазвенел трамвай. Откуда-то вкусно запахло горячими вафлями. За огромной витриной парикмахерской было видно, как две блондинки, готовясь к работе, надевают перед зеркалом халаты.

Машина свернула с широкого проспекта в узенький переулок и въехала в крошечный дворик, со всех сторон стиснутый каменными домами. Железные наружные лестницы, как это часто можно видеть на юге, вились по стенам с балкона на балкон. По одной из таких лестниц Галушка и Анюта поднялись на самый верхний этаж. Это тоже было удивительным и необычным. Отец подмигнул ей: знай, мол, куда я тебя привез! Она шла, улыбаясь и прислуши-

Ирина СНЕГОВА

Песня

Ночь ложится на станицы,
Пахнет медом тьма.
Отчего-то мне не спится,
Не пойму сама.

Может, это весна на душе?
Да сирень опадает уже.

Месяц красит синим цветом
Белые дома.
Что мне все покоя нету,
Не пойму сама.

Заскрипели шаги вдалеке,
Или волны запели в реке?

Смотрит третий сон станица,
Улица нема.
Но по ком душа томится,
Не пойму сама.

Кто-то к дому идет моему,
Видно, тоже не спится ему.

ваясь, как позванивают под ногами железные ступени. Даня стоял внизу, возле машины, и, задрав голову, с усмешкой следил за ними.

Отец постучал в какую-то дверь, и ее тотчас же открыла пожилая женщина в клеенчатом фартуке, с веником в руках.

— Здравеньки булы, Мария Николаевна, — сказал он, стягивая с головы шапку, — чи дома ваш муж?

— Ай, чтоб мне повылазило! — певуче и весело заговорила женщина. — Так это же Федор Ильич! А я-таки не узнала вас сразу. А это ваша дочка? Очень похожа, такое же милое лицо. Заходи, детка, не стесняйся. Ну и вы, конечно же, заходите, Федор Ильич. А Пети нет дома, как раз ушел на базар по своим делам. Сами понимаете: работник базаркома. Это, значит, детка, если ты не знаешь, базарный комитет. Ответственность такая, что даже страшно... Но вы не беспокойтесь, Федор Ильич, я сейчас пошлю за ним мальчика.

Она тараторила все это своим неповторимым певучим говорком, по которому почти всегда можно отличить коренных жителей наших южных городов. А смущенная Анюта тем временем исподлобья разглядывала большую комнату, заставленную, как ей показалось, очень необычными вещами. Старинные красноватые стулья с мягкими сиденьями матово отсвечивали своими отполированными изогнутыми спинками и подлокотниками. Тяжелый темно-бордовый занавес украшал широкое окно. В углу за шелковой ширмой стояла деревянная кровать невероятных размеров, покрытая чем-то кружевным, а над кроватью в огромной золоченой раме висела картина, изо-

бражающая полуобнаженную женщину, обнимающую лебедя. Больше всего Анюте понравился стеклянный шкаф, наполненный белой посудой с какими-то замысловатыми рисунками и золотыми разводами.

Пока отец и дочь чинно сидели на мягких стульях в ожидании того, кого звали Петей, хозяйка хлопотала в коридорчике. Оттуда доносилось шипение керогаза, пахло жареным луком. По временам хозяйка просовывала в дверь разгоряченное лицо и говорила скороговоркой:

— Знаете, Федор Ильич, очень трудно в одной комнате, но что поделаешь, мы не жалуемся, потому что, сами понимаете, жилищный кризис...

— Да, да, — понимающе кивал Галушка.

Он сидел, расставив ноги, чуть согнувшись, и сосредоточенно вертел в руках между колен свою шапку.

Красное лицо хозяйки исчезало и через минуту появлялось снова.

— Конечно, сейчас очень много строится прекрасных квартир, но у нас в Ростове прежде всего квартиры получают рабочие, например, на Ростсельмаше, а такие, как мы, можем себе подождать.

Анюту почему-то все больше раздражала эта болтливая женщина, и, ужасаясь собственной смелости и бледнея, она вдруг негромко сказала:

— Но у вас все-таки для двух человек большая комната... метров тридцать...

Галушка пораженно скосил на дочь глаза, а краснолицая женщина обиженно всплеснула руками:

— Ах, детка, если бы ты видела, как живут настоящие люди, а у Пети застарелый радикулит...

Анюта так и не поняла, кого хо-

зайка назвала «настоящими людьми» и какая связь между квартирой и радикулитом.

Скоро пришел запыхавшийся Петя — громоздкий мужчина лет сорока, в шляпе и габардиновом плаще. На его мясистом, потном лице с треугольными глазами и реденькими рыжеватыми бровями было написано возмущение.

— Вы понимаете, что вы делаете? — раздраженно и сипловато спросил он с порога, не здороваясь и вытирая затылок клетчатым носовым платком. — Нет, вы мне скажите, понимаете или нет? Кто же привозит на квартиру к работнику базаркома целую машину муки? Или вы хотите, чтобы мы оба попали в обэхаэс?

— Так я... — заикаясь начал Галушка, но Петя перебил его:

— Вам — так, а мне домзак! Если бы хоть наши соседи были как люди, а то каждый думает, что он не меньше, чем Дзержинский, и считает своим долгом кого-нибудь разоблачить! Вы могли оставить машину на проспекте, а сами зайти, не привлекая внимания посторонних глаз. Скажите шоферу, чтобы он катился со двора к чертовой бабушке!

Растерявшийся Галушка послушно двинулся к двери. Анята, которая ровно ничего не поняла из сказанного Петей и лишь смутно догадывалась, что отец и она попали в какую-то нехорошую историю, вскочила со стула и бросилась следом за Галушкой. Ей было очень обидно, что этот мужчина в нарядном плаще так грубо разговаривает с отцом. Однако тот неожиданно переменяет тон, задержав Галушку на самом пороге.

— Федор Ильич, поставьте машину на углу Конкринской, — сказал он

совсем дружеским тоном, продолжая вытирать затылок и шею. — Я так думаю, что через часик к вам подъедет Кислов. Сколько там у вас?

— Три тонны... Крупчатка...

— Угу... — задумался Петя, помахивая платком. Он что-то прикидывал в уме, закатив зрачки к потолку, сосредоточенно почесал пальцем кончик носа. Наконец он сказал Галушке: — Кислов привезет вам справку базаркома, что мука продана по два рубля за кило... Вот таким путем... Ничего, ничего, не беспокойтесь, он вам даст по три!

— На базаре крупчатка вроде бы четыре двадцать... — кашлянул Галушка.

Рыжеватые Петины брови полезли на лоб, и мясистое лицо засияло самой ласковой улыбкой.

— Боже мой! — развел он руками. — Что вы говорите! А я и не знал! Так езжайте, пожалуйста, на базар и продавайте по четыре двадцать! Кто возражает? Заходите в базарком, и мы вам дадим справку, что вы продали по четыре двадцать!

— Так ведь я...

— Давайте не будем эгоистами, Федор Ильич! Вам хочется кушать, а другим нет? Да?

Только теперь Анята начала понимать, что здесь происходит. У нее еще не было времени обдумать это, но она уже отчетливо сознавала, что это, что-то страшное, гадкое, непоправимое...

Она, разумеется, знала, что на свете есть жулики и спекулянты, о которых пишут в газетах и которых отдают под суд за то, что они наживаются нечестным путем и воруют общественное добро. В позапрошлом году, например, в соседней станице

из колхоза выгнали птичницу за то, что она таскала с фермы то яйца, то кур. Какой же это был позор! А вот в их колхозе несколько человек получили ордена. Что ж, Анята даже втайне не надеялась, что когда-нибудь и ее отец получит орден (уж слишком много он стал выпивать), но в том, что отец — честный человек, она никогда не сомневалась...

И вот теперь она поняла, что ее отец — жулик... Ее отец!

В первые минуты Анята была оглушена. Все краски города, в который она так стремилась, вдруг померкли.

Машина остановилась на Конкринской, тихой и пустынной улице, неподалеку от Дона, под старыми, только начавшими желтеть акациями. Неподвижные листья свешивались к Аняте, словно усталые кисти рук. Она сидела на мешках и тихонько плакала. Редкие прохожие не обращали на нее внимания. Только совсем маленький светловолосый мальчуган в коротких штанишках, с палочкой «Эскимо» в руке, остановился на тротуаре и тарачил на нее удивленные голубые глаза.

Отец и Даня о чем-то глухо переговаривались в кабине, посмеивались. Потом отец вышел из машины и спросил Аняту:

— Поесть хочешь? — И, увидев, как сверкнули слезинки на ее ресницах, встревожился: — Ты что это? А? Анятка?

Она хотела что-то сказать и не смогла, только шмыгнула носом.

— Может, тебе кто обиду какую сделал? — допытывался отец.

Она спросила, глотая слезы:

— Батя, значит, вы говорите, что все люди — жулики? Да?

— Ты чего это удумала, дуреха?
— Нет, вы скажите, скажите! —
Анюта вытерла ладонью глаза и вни-
мательно посмотрела на отца. — Все
жулики?

— А то как же! — криво усмехнул-
ся Галушка.

— Батя, а вы жулик?

Галушка задохнулся от ярости, по-
перхнулся дымом и страшно закаш-
лялся, наливаясь кровью.

— Гадюка! — наконец продохнул
он. — Вот постой, приедем домой...

— На три тысячи колхоз обчи-
тать хотите! — продолжала девушка,
посчитав по своей душевной просто-
те только те деньги, которые соби-
рался присвоить отец, и не сообра-
зив, что еще больше попадет в руки
ростовских спекулянтов.

— Дыц! — крикнул отец, стукнув
кулаком по борту машины.

— Не кричите на меня, батя!

Он понизил голос и зашептал жа-
лобно:

— Дура, ты думаешь три тыщи од-
ному мне?.. Я ведь и Даньке должен
дать...

— Значит, и Данька — жулик!

Он не докурив папиросу, сломал ее
и швырнул на мостовую.

— Ну, вот что я тебе скажу, Ан-
на, — начал он, стараясь говорить
вразумительно и спокойно, — яйца ку-
рицу не научат, как зерно клевать.
Все! Будя дуру корчить! Чтобы я от
тебя боле никаких слов не слышал!
Понятно?

— Мне, батя, теперь все понятно...

— Будя, я сказал!.. Даня, дай
Анютке пожевать чего там у нас
есть.

Из кабины вылез Даня со сверт-
ком, подмигнул ей, полез на мешки.

— Порутились? — шепотом спро-
сил он, разворачивая сало и каравай
хлеба. — Нелзя, мамзель, папашу
расстраивать.

Анюта не ответила. Даня посмот-
рел на нее выжидательно, махнул
рукой и спрыгнул на тротуар.

Она рассеянно ела хлеб с салом и
думала, думала... До разговора с от-
цом в ней теплилась надежда, прав-
да, совсем маленькая, но все-таки
была надежда, что она сумеет найти
такие слова, которые пристыдят его,
заставят одуматься. Теперь она по-
нимала, что таких слов ей не найти.
Что же делать? Что?

Было горько и стыдно. Особенно
стыдно оттого, что отец вел перегово-
ры с Петей, не стесняясь ее, словно
она была его соучастницей.

К машине подошел худощавый че-
ловек в брезентовом плаще, с помя-
тым портфелем под мышкой. Отец
пригласил его в кабину, и они о чем-
то тихо и недолго посоветовались.

— Анна! — позвал отец, высовыва-
ясь из дверцы.

Она спустилась на тротуар.

— Положь гроши в чемоданчик, —
сказал отец, — где он у тебя? И сидай
сюда, в кабину, с Данькой будешь
ехать...

Худощавый переложил из портфе-
ля в ее чемоданчик пачку денег и
справку о том, что мука продана по
два рубля за килограмм.

— А вы бы посчитали, барышня, —
сказал он, — деньги счет любят.

Анюта молча пересчитала сотен-
ные бумажки — было ровно девять
тысяч.

Они приехали на какой-то склад.
На камнях, на воротах, словно пыль,

белела мука. И в воздухе пахло пше-
ничной мукой и еще почему-то соле-
ной рыбой. Где-то недалеко шумел
базар.

Отец, Даня и худощавый, кряхтя
и посапывая, таскали в складское
помещение мешки с мукой, а она си-
дела в кабине и печально смотрела,
как в щелях ворот беспрестанно
мелькают люди, идущие на базар и с
базара, медленно проплыл голубой
автобус «Ростов — Ставрополь».

Автобус! Она встрепенулась. Те-
перь она знала, что делать. Только
надо торопиться, пока батя таскает
муку. Через четверть часа будет
поздно. Он придет к ней через чет-
верть часа, откроет чемоданчик и за-
берет три тысячи. А затем, как все-
гда, будет пить... Нет (Анюта стисну-
ла зубы), батя не будет вором! Не бу-
дет!

Ей вдруг стало очень жарко, и она
почувствовала, как у нее все сильнее
и сильнее начинает гореть лицо. Надо
нажать ручку дверцы, выйти, сде-
лать три шага до ворот — и все! Ее
никто не увидит, потому что она бу-
дет закрыта кузовом машины... А
потом бегом на автостанцию!

— Побейте, братцы, побейте-
рей! — услышала Анюта задыхаю-
щийся голос худощавого. — Я пол-
литра ставлю...

Она подняла руку и открыла двер-
цу...

...Галушка и Даня вернулись до-
мой утром, когда Анюта уже собира-
лась в школу. Из-за оконной занавески
она видела, как перед хатой
остановилась машина с дымящимся
радиатором и из кабины вышел
отец с усталым, посеревшим лицом.
Анюте стало жаль его: наверно, он
долго искал ее в Ростове и не спал
всю ночь, не зная, что случилось с
ней...

Отец и Даня быстро шагали к ха-
те. У Анюты заколотилось сердце,
она отшатнулась от окна, бросилась
было в кухню к матери, но, чувствуя,
как слабеют ноги, прислонилась к
стене в углу горницы.

Отец переступил порог и, увидев
дочь, вдруг затряс головой. Никогда
еще он не был таким. Он медленно
подходил к ней, а она стояла, не ше-
лохнувшись и не сводя с него непо-
движного испуганного взгляда.

— Где деньги? — очень тихо спро-
сил отец.

Она едва шевельнула губами в от-
вет:

— У Сердечнова...

— Все?

— Все...

Он продолжал трясти головой, об-
лизнул бледные губы.

— Что ты сказала Сердечнову?

— Ничего, батя... Я сказала, что вы
сами ему все расскажете...

— У-у, гадюка! — Он взмахнул ку-
лаком, но Даня ухватил его за руку.

— Не надо, Федор Ильич... Не на-
до, чуеете?.. Вы подумайте, Федор
Ильич, может, не мы, а она... пра-
вильно сделала?

Галушка несколько секунд смот-
рел на Даню, словно не понимая, о
чем он говорит, рывком повернулся
и вышел из хаты, сутулясь и втяги-
вая в плечи голову.

ЗА ЧТО ОНИ БОРЮТСЯ

Более 125 лет алжирский народ находится под гнетом французских империалистов. Все эти годы он борется против ненавистного колониального режима, против голода, нищеты и несправедливости. Эта борьба усилилась после второй мировой войны. В ноябре 1954 года национально-освободительное движение в Алжире переросло в вооруженное восстание против колонизаторов.

Вот уже четвертый год продолжается кровопролитная война в Алжире. Полумиллионная французская армия, оснащенная современной военной техникой, пытается удержать в рабстве алжирский народ.

Пылают деревни, из которых бегут тысячи женщин и детей, преследуемые собаками, расстреливаемые из пулеметов с земли и с воздуха. Концлагеря и тюрьмы переполнены, среди заключенных много женщин и детей.

Но алжирский народ упорно борется за свою свободу.

Алжирские женщины обратились к Международной Демократической Федерации женщин, ко всем женщинам мира с призывом выступить за прекращение войны в Алжире. Они пишут, что страдают от голода, нищеты и болезней, но не меньше, чем хлеба, хотят признания их человеческого достоинства. Они хотят накормить и одеть

Джамила Бухиред.

своих детей, посадить их за школьные парты, видеть их здоровыми и счастливыми.

Французские матери выступают за прекращение войны в Алжире, за возвращение оттуда своих сыновей. В департаменте Па-де-Кале 100 матерей и жен французских солдат, убитых в Алжире, направились к местным властям с требованием мира. Члены делегации предложили провести собрание солидарности с алжирским народом, они распространили открытку с изображением французского ребенка и двух алжирских детей в лохмотьях. На открытке подпись: «У него война отняла отца, у них отняла все».

В апрельский день 1957 года на одной из улиц Алжира французский патруль выстрелом из ручного пулемета ранил студентку Джамилу Бухиред. С тех пор она томится за мрачными стенами алжирской тюрьмы Барберосса. Джамиле было предъявлено ложное обвинение в убийстве трех человек. Доказательств ее вины нет. Чтобы заставить девушку признать себя виновной, ее подвергали жестоким пыткам электрическим током.

Французскому военному трибуналу Джамила Бухиред заявила:

— Я знаю, вы приговорите меня к смерти, потому что этого хотят те, кому вы служите. Но я невиновна. Я люблю свою родину, хочу, чтобы она стала свободной. И только поэтому вы вынесете мне смертный приговор... Но, убивая нас, не забывайте, что вы уничтожаете традиционные свободы вашей страны, Франции, попираете ее честь, подвергаете опасности ее будущее. Но все равно вы не помещаете Алжиру стать свободным!

Воспользовавшись ложными показаниями Джамилы Буаза, не вынесшей пыток и сошедшей с ума, французский трибунал в июле 1957 года вынес Джамиле Бухиред смертный приговор.

В одной камере с Джамилой Бухиред томились еще две узницы, также приговоренные к смерти: Джамила Буаза и Жаклин Геррудж.

В декабре в Алжире приговорены к смертной

казни еще две девушки-мусульманки — Джохор Акру и Байя Хосин.

Смертные приговоры, вынесенные алжирским девушкам, вызвали протест не только во Франции, но и в других странах. В адрес президента Французской Республики направлялись многочисленные петиции, организовывались выступления и демонстрации в защиту алжирских патриотов.

Обращаясь к президенту Французской Республики с призывом использовать право помилования, Маргарита Жан-Ришар Блок пишет: «...Моя дочь Франс Блок-Серазэн была арестована в 1942 году, отправлена в Германию и казнена в Гамбурге. За несколько часов до казни она писала: «Сегодня я умру, моя просьба о помиловании отклонена». Возможно ли нам, французам, испытавшим столько страданий, оставаться равнодушными к страданиям других! Возможно ли ответить девушке, с надеждой ожидающей помилования, что французский народ осуждает ее на смерть!»

Отмены смертного приговора потребовал от французского правительства Индонезийский женский конгресс. 31 января Индонезийский парламент единодушно одобрил ноту французскому правительству с протестом против смертного приговора алжирским девушкам.

От имени миллионов советских юношей и девушек Комитет молодежных организаций СССР выразил гневный протест против готовящейся казни молодой алжирской патриотки Джамилы Бухиред. Юноши и девушки Советского Союза потребовали отмены вынесенного ей смертного приговора.

В телеграмме президенту Французской Республики Рене Коти К. Е. Ворошилов выразил надежду, что будут предприняты меры к спасению жизни Джамилы Бухиред.

В Международный день 8 марта участники торжественного заседания в Москве также протестовали против смертного приговора Джамиле Бухиред и обратились к женщинам всего мира с призывом поддержать этот протест и добиться освобождения славной дочери алжирского народа. Гневный протест об-

щественности заставил французское правительство заменить смертную казнь трем участницам национально-освободительного движения в Алжире — Джамиле Бухиред, Джамиле Буаза и Жаклин Геррудж — пожизненными каторжными работами. Но народы не могут быть спокойны, пока молодые патриотки томятся в тюрьме. Они требуют предоставить им свободу.

Война в Алжире разгорается. Разрушены тысячи очагов. Более 100 тысяч алжирских беженцев, большей частью дети и старики, покинули свою охваченную войной страну. Они бежали, не имея средств к существованию; им угрожает смерть от голода, холода и болезней.

Французские войска пытаются лишить алжирских беженцев убежища в соседнем Тунисе. Вдоль тунисской границы возведены электрифицированные заграждения. 8 февраля было подвергнуто варварской бомбежке тунисское селение Сакиет-Сиди-Юсеф. Среди убитых — алжирские женщины и дети, нашедшие приют в этом селении.

Советские люди глубоко сочувствуют жертвам колониальной войны в Алжире. В феврале теплоход «Фролово» доставил в Тунис продукты, медикаменты и ткани, посланные алжирским беженцам Союзом обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР.

3. САВОСТИНА

КАК МЫ ВСТАЛИ НА НОГИ

Татьяна ЖИГАЛКО,

Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета БССР, председатель колхоза «Перамога».

Вспоминаются мне первые дни работы в колхозе. Было это пять лет назад. Тогда наша артель сильно отставала, потому что верховодили ею пьяницы и рвачи.

Идет женщина к бригадиру просить лошадь для своих нужд и обязательно несет бутылку водки: без этого ни за что не получить ей лошади. Соломы надо выписать или торфа для топки — и тут без пол-литра не обойдешься. А это сказывалось на дисциплине и трудоде, стоимость которого в ту пору равнялась копейкам.

Новое правление начало беспощадную борьбу с пьяницами и рвачами. Была она нелегкой: сместишь одного, — глядишь, проходит время, и новый бригадир не хуже старого начинает вести «кампанию» по сбору пол-литров. Очень мы намучились. Годы прошли, прежде чем подобрали бригадиров и заведующих фермами знающих, а главное, честных.

Все реже стали приходиться колхозники с жалобами и все чаще с предложениями и советами по хозяйству. Поднимать колхоз мы начали со льна, потому что лен мог дать в кратчайший срок наибольший доход.

Когда в 1954 году мы получили от льна миллион рублей (втрое больше, чем был весь наш доход в 1952 году), я и обрадовалась и испугалась. Дадим мы на трудовень по 6 рублей, а если в будущем году лен не уродит, как тогда? Нет, нельзя строить колхозное богатство на одной культуре! Надо, чтоб всегда был надежный, твердый доход. За животноводство нужно браться всерьез. Но здесь без больших затрат не обойтись. Согласятся ли на это колхозники?

Много споров было на общем собрании. К чему, говорили некоторые, строить новые помещения для скота? К чему закупать породный скот? Дорого все это обойдется. А значит, и денег на трудовень меньше получим. Однако большинство колхозников рассудило иначе: затраты на животноводство обязательно окупятся. А потому лучше сейчас дать

на трудовень поменьше, а оставшиеся деньги пустить на строительство и на закупку племенного скота.

Выступила на этом собрании доярка Вера Васильевна Савич, награжденная в прошлом году орденом Трудового Красного Знамени.

— Была я на днях в Минске, — сказала она. — И стыдно мне стало и больно, когда увидела я у молочного магазина длинную очередь. А ведь кто в очереди этой? Те, кому не по карману платить за литр молока на базаре по 4, а то и по 5 рублей. А ведь все это люди, которые шлют нам машины, одевают нас и обувают. Не только про свой карман, а и о них думать надо.

Ее дружно поддержали. Было решено закупить бычков и телочек бурой латвийской породы и начать строительство настоящих помещений взамен старых, развалившихся хлебов.

В 1957 году в колхозе на 100 гектаров произведено 302,5 центнера молока и 65 центнеров мяса. Но животноводство дает нам сейчас не только большие доходы. Оно дает нам все больше органических удобрений. И не случайно средний урожай зерновых по колхозу в прошлом году был 14 центнеров, а четыре года назад — всего шесть. Вдвое по сравнению с 1953 годом выросла и урожайность картофеля.

В прошлом году лен подвел нас. Взяли от него вдвое меньше дохода, чем планировали. И все же стоимость трудодня поднялась с 11 рублей до 12 с половиной: выручило животноводство.

Два года назад мы начали соревноваться с колхозом «Путь к коммунизму», Вильнюсского района, Литовской ССР. Там тоже председатель — женщина. Поехали мы к ним в гости и увидели, что животноводство у них поставлено гораздо лучше нашего. Выступила тогда одна из наших доярок и говорит: «У нас передовиками считаются те, кто получает по 1800—1900 литров молока, а

у вас передовые по 4 тысячи надаивают. Стыдно нам в эдаких передовых ходить. Постараемся вас догнать. И доярки слово сдержали. Некоторые из них уже надаивают больше 3 тысяч литров.

Всю зиму не давали мне доярки покоя, напоминая, чтоб весной посеять побольше клевера с тимомфеевкой. Мол, у литовцев скот на многолетних травах пасется, должно и у нас так же быть. Свиноводкам очень понравились у литовцев клетки для подсосных поросят. Они сделаны прямо над станком, и забираются в них поросята по дощатой лесенке. В клетках ставится подкормка. Это очень удобно: и грязи меньше у корытца и не нужен специальный станок для поросячьего загончика.

Главное в животноводстве — корма. В прошлом году мы использовали под кормовые культуры чистые пары: 142 гектара засеяли люпином, вико-овсяной смесью, кукурузой. И взяли хороший урожай. Правда, опасались мы, что после кукурузы не будут на парах расти другие культуры. А жизнь показала другое: и лен и картофель росли на этих полях даже лучше, чем по пласту многолетних трав. В нынешнем году мы используем под посевы кормовых все чистые пары, а это даст колхозу дополнительно около 600 тысяч кормовых единиц. А ведь каждая кормовая единица — это самое малое литр молока или 200 граммов мяса.

В этом году мы боремся за 400 центнеров молока и 100 центнеров мяса на 100 гектаров земли. Сможем мы выполнить это обязательство, если сумеем увеличить сбор кукурузной зеленой массы раза в два. Весной прошлого года пришла ко мне Екатерина Васильевна Крюк с предложением:

— В 1956 году взяли мы по 82 центнера кукурузной массы с гектара, а есть такие колхозы, что до тысячи центнеров берут. Дай-ка ты мне десять соток под картофель на колхозном поле, а я на своих десяти приусадебных попробую кукурузу для колхоза выводить.

Я согласилась. Заведующий молочнотоварной фермой Довнер тоже решил последовать примеру Екатерины Васильевны.

Той же осенью Екатерина Васильевна собрала со своих 10 соток 76 центнеров зеленой массы, а Довнер — семьдесят два.

Их примеру и последовали в этом году все наши колхозники. Семьдесят пять гектаров кукурузы будет высажено на усадьбах. А для картофеля мы выделяем 75 гектаров в колхозном поле. И колхоз засеет кукурузой 40 гектаров. Думаем, что все это поможет нам получить в достатке кормов.

Этой же весной мы решили посеять несколько десятков гектаров сахарной свеклы. Появится в колхозе еще одна доходная отрасль. Думаем послать наших звеньевых для изучения опыта в южные районы республики, где хорошо выращивают сахарную свеклу.

Руденский район,
Белорусская ССР.

Каких только сказок не слыхивала на своем веку старая русская печка: и о Коньке-Горбунке и о ковре-самолете!.. Трудно ее удивить. Но сегодняшний разговор этих двух мальчишек кажется ей самой чудесной сказкой.

— А по-моему, он вот такой, спутник Земли, — показывает Саша Вове.

Цветное фото В. ЖЕМЧУЖНИКОВА.

СЕМЕЙНАЯ ПРОГУЛКА.

На снимке: передовой чабан колхоза имени Димитрова, Алма-Атинской области (Казахстан), Батба Сакеева со своими детьми.

Цветное фото Б. ТИЛЕКМЕТОВА.

Ярослав Гашек, крупнейший чешский писатель, родился в Праге в 1883 году. Мы отмечаем в апреле его семидесятипятое, Гашек не прожил и сорока лет. Судьба его была и тяжела и вместе с тем прекрасна. Он рос и учился в то время, когда чешский народ страдал под игом Австро-Германской империи. В первую империалистическую войну 1914 года Я. Гашек был мобилизован и в 1915 году простым солдатом отправился на фронт.

Горячо любя свою родину, мечтая о братском единении всех славян, он вынужден был, тем не менее, идти вместе с немцами против русского народа, который он любил и уважал и язык которого начал изучать еще в школе. При первой же возможности Ярослав Гашек сдался в плен. Царское правительство России воспользовалось ненавистью чехов к Австрии и Германии и составило из пленных чехов так называемые «легионы», которые должны были вместе с царскими войсками сражаться против немцев. Очутившись в Киеве, где тогда было много националистически настроенных чехов, Ярослав Гашек поддавался националистской пропаганде и стал работать в киевской газете «Чехослована», всячески пропагандируя «войну против немцев до победного конца».

Но наступил 1917 год. Пришла Великая Октябрьская революция. Первое время Ярослав Гашек не понял всего ее значения, он был против прекращения войны с немцами. Но буржуазные порядки, установившиеся в чешских легионах, с одной стороны, и великие идеи коммунизма, первые бессмертные декреты Советской власти постепенно прояснили его сознание. Ярослав Гашек всей своей революционной природой, всем своим темпераментом народного бойца перешел на сторону большевиков, и когда западные империалисты вместе с чешскими буржуазными националистами двинули чешские легионы в Поволжье, на Урал, в Сибирь на удушение Октябрьской революции, Ярослав Гашек

ЯРОСЛАВ ГАШЕК

бежал из Киева в Москву. Он вступил в Коммунистическую партию и был послан политработником в Красную Армию.

Вместе с политотделом V армии он прошел славный боевой путь от Самары до Иркутска, участвуя и своим пером, и своим словом, и оружием бойца в великих делах Красной Армии, борющейся с четырнадцатью государствами за спасение идеи революции, за великий советский строй. Гашек был прекрасным политработником, и все, кто знал его близко, отзывались о нем как о преданном Советской власти бойце и агитаторе, дисциплинированном коммунисте. Он издавал много газет и листовок на разных языках (русском, чешском, мадьярском, немецком и даже на монгольском) для многонационального состава V армии.

В ноябре 1920 года, получив разрешение вернуться на родину, Ярослав Гашек приехал в Чехословакию, где в то время была уже буржуазная республика. Чехам удалось получить независимость, но власть в стране захватила националистически настроенная буржуазия, ненавидевшая молодую Советскую республику. Не успел Гашек попасть на родину, как его стали всячески травить. Его травили в газетах как изменника и предателя родины, его обвиняли в том, что он «примазался к большевикам».

Больной, оскорбленный и затравленный, Ярослав Гашек уехал в деревню Липницы, где написал одно из величайших произведений, переведенное сейчас почти на все языки нашей планеты, — роман «Похождения бравого солдата Швейка». Он писал его около двух лет, но не успел окончить: в начале 1923 года он умер.

Советский народ знает и любит острые, обличающие буржуазный мир рассказы Гашека и его бессмертный роман о Швейке. Сочинения Я. Гашека переводились и издавались у нас много раз.

Мариэтта ШАГИНЯН

ЮБИЛЕЙ СЛУЖАНКИ АННЫ

Рассказ

Председательница общества по охране труда домашней прислуги, супруга советника госпожа Краусова готовила к завтрашнему заседанию поздравительную речь.

У секретаря общества советницы Тиховой работает служанка Анна, прожившая в этой семье пятьдесят лет и воспитавшая за это время два поколения. Завтра она будет праздновать пятидесятилетний юбилей своей верной службы. Анне уже семьдесят пять лет. Она никогда не забывалась и знала свое место.

Завтра ей предстоит получить от общества золотой крестик, золотую монету в десять крон, чашку шоколада и два пирожных. Но это еще не все. Она выслушает речь госпожи Краусовой, а от своей хозяйки получит в подарок новенький молитвенник.

Госпожа советница простить себе не может, что взяла на себя такую обузу! Надо же так утруждать свой мозг ради какой-то прислуги! Уже исписана кипа бумаги, но речь не получается.

Советница походила по комнате, размышляя, о чем же ей говорить? Ведь не о том же, что теперь все служанки состоят в обществе и добиваются выходного дня и свободного вечера? Ну и времена наступили, можно с ума сойти от этих прислуг! Раньше каждый мог себе позволить вlepить служанке затрепину и вы-

швырнуть ее на улицу, а теперь она за это, пожалуй, притянет тебя к суду. Госпожа советница села за письменный стол и стала усердно натирать виски мигреневым карандашом.

Взять хоть ее служанку. Эта бес-толочь завела себе кавалера, который снабжает ее книгами. Нахалка, она смеет заниматься самообразованием!

Эти мысли настолько расстроили советницу, что пришлось снова обратиться к помощи мигреневого карандаша. Напрасно она нервничает, вместо того чтобы обдумывать свою речь. Ведь уже сколько раз она выступала в обществе охраны труда служанок!.. Ей бы хотелось на этот раз сказать что-то новое, но, видно, придется опять начать с бога. Бог — это как раз то, что нужно служанкам.

Молись и трудись! Ах, если бы она могла сказать это по-латыни! Надо будет спросить у мужа, как только он придет домой... Конечно, она так и начнет свою речь: «Молись и трудись!»

Госпожа Краусова присела за стол, и перо ее забегало по бумаге:

«Молись и трудись! Какая поучительная мысль! Без молитвы нельзя успешно трудиться, быть честным, и вот... наша юбилярша — воплощение этой истины. Пятьдесят лет она

усердно работала и молилась, и за это всевышний провел ее через все жизненные преграды к благой цели. Поэтому она и может отметить сегодня свой пятидесятилетний юбилей — юбилей неустанного труда. Ее ждет награда как на небе, так и на земле (там царство небесное, а здесь золотой крестик, золотая монета в десять крон, чашка шоколада и два пирожных).

Молись и трудись!

Наша юбилярша работала пятьдесят лет и теперь видит плоды своего усердия (золотая монета в десять крон равняется пятистам крейцерам, итого за каждый год самоотверженного труда — десять крейцеров).

Пятьдесят лет она усердно молилась господу богу, никогда не танцевала, не посещала театра, не читала плохих книг. Она знала только свой молитвенник, который учил ее уважению, любви к своим хозяевам, беспрекословному послушанию, и все эти пятьдесят лет молитвенник был ей опорой.

Молись и трудись! Анна экономила каждый хозяйский грош, она никогда ложки супу не выплеснула в уборную, она не обольщала себя напрасными надеждами, не дружила с чужими служанками, избегала лишних разговоров, не сплетничала про своих господ, а молитвы охраняли

ее от желания полакомиться втихомолку.

Милостивые государыни, взгляните на эту старушку! Она ни разу не усомнилась в пользе послушания, она подавляла в себе все злые побуждения, была по-настоящему набожна, молчалива, кротка и, наверное, часто задумывалась о человеческих слабостях, каждую свободную минуту размышляла о смерти, о судном дне и о загробном воздаянии. Перед сном она усердно молила бога, чтобы он направил ее на истинный путь.

Покорной и смиренной видели ее два поколения в славной семье коммерции советника Тихого. Чистая сердцем и помыслами, она была бла-

годарна за каждый кусочек, полученный от добрых хозяев. Она всегда целовала щедрую руку своей госпожи или своего господина в знак глубокой благодарности. Такой она была целых пятьдесят лет. За всю жизнь она ничего не украла и свято берегла доверенное ей.

Так она трудится за пять золотых в месяц, да еще отказывает себе в ужине, чтобы кое-что сэкономить на посещение Святой горы, куда с милостивого разрешения хозяев ездит ежегодно. И оттуда она еще привозит своим господам подарки, свидетельствующие о чистоте ее души.

Она сама говорит, что была бы счастлива отказаться от еды и питья, только бы иметь возможность без конца молиться и восхвалять нашего небесного творца!»

Советница сделала минутную паузу и углубилась в раздумье. Как замечательно прозвучит все это завтра! О ее выступлении, несомненно, будет заметка в католической газете. Потом она издаст свою речь брошюрой под заглавием «Обращение к служанкам».

Быть может, после этого у ее прислуги не поднимется рука выплеснуть в уборную остатки супа, — достаточно ей будет вспомнить об ангельском житии юбилярши.

Тут вошла служанка.

— Супруга советника Тихого, — доложила она. — Прикажете принять?

Не успела служанка получить ответ, как в комнату ворвалась благоухающая госпожа Тихова и со слезами на глазах бросилась в объятия своей председательницы.

— Представьте, какая неприятность! — всхлипнула госпожа Тихова. — Наша юбилярша только что скончалась.

Потом она немного успокоилась, осушила слезы и продолжала с нескрываемым раздражением:

— Вчера вечером я послала ее в подвал за углем. Сами понимаете: старуху в семьдесят пять лет не выкинешь на улицу, но раз я тебя кормлю, изволь работать. Так она, мерзавка, упала с мешком угля в подвал с высокой лестницы и так разбилась, что не дожила и до утра. И ведь надо же как раз перед нашим торжеством! Представьте себе, какой скандал!.. Так вдруг, ни с того ни с сего срывается наш вечер. К тому же ради этого проклятого юбилея я заказала себе чудесное платье... Похороны обойдутся нам по меньшей мере в тридцать золотых, а у покойницы на книжке только двадцать пять.

Госпожа советница Краусова опять принялась тереть виски мигреневым карандашом. Сокрушенно взглянула она на исписанные листки со своей речью и сказала со вздохом:

— Знаете, я думаю, она это нарочно нам подстроила.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ БАРОНА КЛЕЙНГАМПЛЯ

Рассказ

Барон Клейнгампль был очень умный человек и, унаследовав от своей тетки замок в Бытхокове, днем и ночью думал о том, какие бы ввести усовершенствования в своем новом имении. Прежде всего он признал необходимым большие старые дубы в парке, росшие перед замком и загораживающие вид, пересадить куда-нибудь в другое место. Барон позвал управляющего и дал ему соответствующие распоряжения.

Управляющий после этого приказа целую неделю ходил, как в воду опущенный, и при воспоминании о приказе барона чувствовал себя очень плохо. Как, собственно, барон представлял себе пересадку этих огромных деревьев?

Управляющий попросил барона принять его. Барон сидел в библиотеке, погруженный в чтение какой-то специальной книги. Когда управляющий объяснил ему после продолжи-

тельного вступления, что столетние дубы пересадить нельзя и что он не знает, как это осуществить, барон только улыбнулся и попросил управляющего подать с полки большую зеленую книгу.

— Учебник садоводства, — ласково сказал барон, открывая книгу в том месте, где лежала закладка. — Вы увидите, как это просто. Здесь даже есть рисунок, прочтите.

Управляющий прочел: «Как пересаживать фуксии. Фуксия вынимается из горшка и со всеми корнями перекладывается в другой горшок. При этом нужно обратить особое внимание на корни и стараться их не повредить».

— Вот видите, дорогой мой, как это легко делается. Прикажете дубы вырвать из земли и перенести их туда, куда я вам укажу. На указанных местах будут выкопаны большие ямы, вы перенесете дубы — только и всего. У меня вообще большие планы: я хочу реформировать свое поместье. Эти планы вы должны будете проводить систематически и неуклонно.

Конечно, сначала многое вам будет казаться трудновыполнимым, как, например, пересадка дубов, но у меня есть специальная литература по всем вопросам и, кроме того, энциклопедический словарь. Вы начнете с пересадки этого старого дуба, что стоит

возле самого замка. Обратите внимание на корни, каждый корень должен быть осторожно вынут из земли. При пересадке дуба вы должны поступать так же, как при пересадке фуксии. Вы ведь читали, что корни фуксии не должны быть повреждены. А дуб и фуксия — почти одно и то же...

Барон был в ударе, и управляющий слушал почтительно.

— Я хочу, чтобы все дубы росли позади замка, у озера, или еще лучше: я высушу озеро и вместо рыб посажу туда дубы. Вокруг озера я поставлю кресла и буду там отдыхать. Теперь скажите, когда цветут дубы? Это весьма важно, потому что если на них появятся бутоны, то мы не сможем их пересаживать; в этой книжке говорится, что фуксию нельзя пересаживать, раз она начала цвести. Но теперь осень, и мои опасения излишни. Только одно меня смущает: фуксии должны пересаживаться в теплом помещении, а при пересадке дубов это невозможно. Теперь уже довольно холодно, а потому я решил во время пересадки разогревать почву вокруг дубов. Мы построим кирпичные печи для осушки озера и будем в них нагревать землю, а потом засыпать ею ямы. Работу с пересадкой мы будем производить днем, потому что даже фуксии нельзя пересаживать ночью, иначе может пострадать зелень. Я думаю, что во время пересадки дубам очень вреден дождь, поэтому придет-

Рисунки Г. БАЛАШОВА.

ся, если пойдет дождь, рабочим залезать на дуб с зонтиками, раскрывать их и садиться на вершине, пока дождь не перестанет и работа не будет кончена.

Я хочу поговорить с вами еще об одном. Вместо дубов мы посадим в пустые ямы финиковые пальмы. Это будет очень красиво и выгодно! Мы будем собирать финики, так как наше хозяйство нуждается в улучшениях. Почему у нас никто не сажает фиников? Потому что ленивы. А финики могли бы вывозиться во все страны света. Почва у нас очень хорошая. Я вчера был в поле и очень удивился. Я думал, что у меня очень хорошая свекла, а сторож говорит: «Господин барон, простите, это не свекла, а картошка». Раз человек путает свеклу с картошкой, значит, почва здесь хорошая. Но ботва картофельная была очень сухая и поломанная, поэтому на будущий год необходимо у каждого картофельного куста воткнуть палочки и привязывать стебли, как на виноградниках и на хмелевых полях. Картошка будет расти вверх, а не в землю. Ее не надо будет выкапывать, а только рвать, как хмель, что будет гораздо быстрее, а работа — приятнее и чище. Я думаю, что такая реформа убедит всякого в необходимости рационализации хозяйства. Мы должны обратить внимание и на наши посевы. Почему одно поле мы засеивали пшеницей, другое — рожью, третье — овсом, четвертое — ячменем? Отдайте распоряжение приказчикам, чтобы они перемешали все сорта семян и такой смесью сеяли. Таким образом, у нас получится одно поле, засеянное сразу пшеницей, рожью, овсом и ячменем. Этим самым мы сэкономим место и не должны будем один день косить рожь, а другой — овес. Мы сэкономим время, а зимой, когда людям нечего делать в поле, они будут обмолачивать зерна перебирать и сортировать в четыре кучи. Позднее мы примем и другие меры предосторожности, например, против града. Хлеб мы будем засеивать под большими крышами или под полотняными навесами. Мы посеим какао и кофе, а также пшено и крупу. Хозяйство очень запущено, но я надеюсь, что мои попытки поправить его увенчаются успехом. Теперь относительно домашней птицы. Цыплят нужно разводить больших, а поэтому мы скрестим гусей с курами; нужно только, чтобы петухи не пожирали цыплят, как это делают боровы с поросятами. Свиньи часто валяются в грязи, а это отражается на вкусе их мяса. Поэтому вы должны всех поросят покрыть черным лаком и затем просушить у печей. Поросята только потому и валяются в грязи, что им не нравится их белая окраска. Выкрашенные, они перестанут валяться в грязи. Для коров мы построим бани, чтобы они нам давали больше молока. Чем коровы здоровее, тем молоко вкуснее. Итак, милый друг, мы всегда должны поступать сознательно. А теперь до свидания, идите и подумайте на досуге над тем, что я вам сказал.

Управляющий сейчас же побежал топиться.

ПРАЗДНИК В КООПЕРАТИВЕ

БЛОК

Накануне празднования пятилетия со дня организации кооператива в Вольферсдорфере все женщины собрались вместе.

Сколько они наготовили! Жаркое, колбасы, фарш, яйца лежат на столе. На плите в больших сковородках тушится мясо. На краю стола пять девушек рубят красную капусту, но это не мешает им оживленно разговаривать о новых платьях и о предстоящем посещении парикмахерской.

Наступает вечер знаменательного дня. За празднично накрытыми столами члены кооператива, трактористы, горняки с соседней шахты, товарищи из окружного и районного комитетов партии, гости из соседних деревень.

Пять лет тому назад в этой комнате 14 крестьян и крестьянок решили вступить на новый путь. Сколько было колебаний! Когда жители деревни впервые прослышали о том, что в соседнем Меркслебене основан кооператив, Фриц Шлегель сказал своей жене Френцель: «Ни за что! У нас сейчас крепкое хозяйство, а для лентяев я не работаю». Но мысль о сельскохозяйственном кооперативе не покидала их, и оба они стали одними из основателей кооператива. Кое-кто в деревне сомневался: «В будущем году на ногах у вас будут деревянные башмаки». Но ничто уже не могло поколебать Шлегелей.

Постепенно люди привыкали к совместной работе. Еще часто мешали собственнические настроения, но, тем не менее, все больше жителей деревни вступало в кооператив. Некоторые из них, правда, еще колебались, верили на шептыванию врагов о том, что скоро вернутся обратно помещики, и стали выходить из кооператива. Тяжелыми были те дни для молодого хозяйства.

Работа налаживалась: 93 полевых участка были объединены в 18, теперь можно было лучше использовать машины МТС. Урожай повышался, увеличивались площади, занятые кормовыми культурами. То, что раньше уходило в карманы эксплуататоров, теперь шло на пользу коллектива.

Кооператив может гордиться своими успехами. Овощеводческое хозяйство, свиноферма, новые сады заметно изменили облик деревни. Молодежь готовится стать в будущем садоводами, работниками птицеферм. Найдется занятие и для стариков. Решили посадить ивняк, чтобы плести корзины. За пять лет доход кооператива вырос до 94 тысяч 600 марок, и недалеко то время, когда каждый поймет, какая большая честь быть членом кооператива.

О многом говорил председатель кооператива Фриц Шлегель в праздничный вечер. Он благодарил всех членоз кооператива «Новая жизнь» за хорошую работу.

Сокращенный перевод с немецкого
Е. СТУЧЕВСКОЙ.

Журнал «Фрау фон хейте» № 3 за 1958 г.

Германская Демократическая Республика.

Ингрид Зингер готовится к своей будущей работе на птицеферме.

2 900 литров молока от каждой коровы получает Инга Штарк.

Последние приготовления к празднованию.

В декабре 1958 года парники кооператива будут давать свежие огурцы.

ЭТО БЫЛО В КЛУБЕ

Никогда еще так ярко не светились окна колхозного клуба в Лучессах! То и дело к освещенному входу подходила молодежь, останавливались сани-кошевки, подвозившие колхозниц из дальних бригад.

Несколько дней тому назад у дверей клуба и животноводческих ферм колхоза появились плакаты.

«Для вас, молодые хозяйки! — читали колхозницы. — Если вы сегодня придете в клуб, то научитесь, как ухаживать за ребенком, как вкусно готовить пищу и красиво одеваться!»

...Двери клуба не успевали закрываться. Подходили все новые и новые колхозницы.

На двух санях подъехали участники вечера. Среди них главный врач второй детской больницы города Смоленска Анастасия Григорьевна Бодорева. Она расскажет, как ухаживать за детьми.

Мастер-повар лучшего ресторана в Смоленске Виктор Иванович Агеев и мастер-кондитер Николай

Закройщица З. Бомштейн помогает колхознице Г. Давыдовой выбрать фасон платья.

Выступает кондитер
Н. Федоров.

Андрианович Федоров привезли много различных блюд и кондитерских изделий.

У закройщицы смоленского ателье Зои Николаевны Бомштейн и портних Зинаиды Никитичны Балдышкиной и Майи Филипповны Семочкиной большой чемодан. В нем летнее пальто, шерстяные и легкие платья разных фасонов, халаты и передники для дома, производственная одежда.

Пора начинать. В большом, просторном зале уже нет свободных мест.

Заведующая клубом Нина Андриушенкова подымается на сцену, но ее останавливает запыхавшаяся Валя Привалова.

— Девушки просят немного подождать! — торопливо говорит она. — Еще с дойкой не управилась! Нам, дояркам, интересно все посмотреть и послушать!

Через полчаса в зал входят немного смущенные молодые доярки.

Первой выступает Анастасия Григорьевна Бодорева, главный врач детской больницы.

— Ребенок всегда радость в семье, — говорит Анастасия Григорьевна. — Но мать не всегда умеет правильно ухаживать за малышом.

Врач берет большую куклу и показывает, как надо пеленать ребенка, одевать его в различное время года.

— У каждого ребенка должна быть отдельная кровать, — продолжает она. — Люльки и качалки не годятся: укачивать ребенка очень вредно.

Если у матери недостаточно молока, ребенку надо давать прикорм, питательные смеси. Коровье молоко развести отваром риса, овсянки, перловой или гречневой крупы, добавить сахару. Чайную ложку крупы промойте, залейте двумя стаканами воды и, прибавив щепотку соли, варите на слабом огне сорок — пятьдесят минут — вот и получится отвар. Так же легко

приготовить соки из свежих ягод, фруктов, моркови и помидоров. В коротком выступлении трудно рассказать обо всем, — заключает врач. — У каждой молодой матери должна быть своя библиотечка. Вот книги, которые я рекомендую купить.

Слово предоставляется мастеру-повару Агееву.

На столе расставлены салаты, студень, тушеная говядина, жареная баранина, отбивные котлеты.

— Все это легко может приготовить каждая хозяйка. Я постараюсь научить вас!

Виктор Иванович рассказывает, как готовить салаты, резать картофель, огурцы, морковь.

— Совсем нетрудно приготовить отбивные котлеты. Для этого надо свиную, баранью или телячью корейку обмыть, слегка отбить черенком ножа или молотком, посолить, посыпать перцем, обвалить в молотых сухарях. Жарить на разогретой сковороде до образования румяной корочки. На гарнир можно подать жареный картофель, капусту, морковь, кукурузу.

Повара сменяет кондитер Николай Андрианович Федоров.

— Ни один праздник в семье не обходится без пирога, печенья, пирожков. А ведь хорошо бы приготовить и торт. Сделать его совсем просто.

Кондитер показывает, как следует ставить тесто, вымешивать его, готовить крем, украшать торт.

Тетради и блокноты слушательниц заполняются рецептами.

А теперь показывают модели одежды. Пояснения к ним дает закройщица Зоя Николаевна Бомштейн.

— Любая женщина хочет одеваться красиво. Среди вас есть художавые и полные, молодые и старые. Каждая из женщин должна одеваться так, чтоб платье к ней шло. То, что можно рекомендовать художавой женщине, не пойдет полной, фасон, выбранный молодой девушкой, не подойдет пожилой. Полным женщинам не следует поку-

пать слишком яркие ткани, ткани с большими цветами или клеткой. Они не должны шить юбки клеш, в сборку — все это будет еще больше полнить. Мы покажем несколько платьев, которые очень просты, стоят недорого и в то же время красивы и нарядны.

Начинаются консультации.

Колхозница Галя Давыдова недавно приобрела отрез на платье. Она принесла его с собой в клуб и просит закройщицу помочь ей выбрать фасон.

Много женщин окружило Анастасию Григорьевну Бодорева. Доярка Елена Дерявченкова просит объяснить, чем кормить ребенка, которому уже исполнилось год и десять месяцев. Мария Шведова списывает названия книг, рекомендованных для молодых матерей.

У стола, где ведут консультацию повар и кондитер, Лидия Синиченкова просит рассказать, как следует накрывать стол к

Врач А. Бодорева показывает, как пеленать.

празднику. Зоя Тарадонова и Тамара Шумаева записывают, как приготовить шашлык.

У Виктора Ивановича и Николая Андриановича две толстые тетради с рецептами, их при всем желании женщины переписать не успеют.

Николай Андрианович предлагает простой выход.

— А вы не торопитесь. Мы оставим рецепты в клубе! — говорит он.

— Оставляйте, — обрадованно соглашается Нина Андриушенкова. — Мы переписем их на большие листы бумаги и вывесим в клубе. Пусть они послужат началом для уголка советов молодой хозяйке.

Этот необычный вечер в колхозном клубе закончился очень поздно. Но никто не пожалел об этом.

В. СТЕПАНЕНКО

	I	II
I	H ¹ Водород 1.0080	
II	Li ³ Литий 6.940	Be ⁴ Бериллий 9.013
III	Na ¹¹	Mg ¹²

МЕТАЛЛЫ БУДУЩЕГО

Я. КОРШ

В древности в Дамаске, столице Сирии, мастера ковали булатную сталь, гибкую, как трость, и острую, словно бритва. Дамасские клинки вывозили в Индию, Иран, Китай, и всюду они высоко ценились.

Закон под страхом смерти запрещал разглашать тайну булата. Но мастера и сами не знали, что исключительную прочность придавал стали вольфрам, который находился в железной руде.

Человек не сразу узнал о существовании металлов и научился ими пользоваться. Ведь большинство металлов не сохраняет своего вида в недрах земли. Они вступают в различные химические соединения с другими веществами.

Первобытные люди делали свои нехитрые топоры, ножи, мечи из материалов, которые не надо было искать, — камня, дерева. И лишь в конце каменного века, который длился очень долго, человек научился выплавлять сначала мягкие металлы — медь и олово, затем сплавлять их, получая бронзу, и, наконец, открыл железо.

Металл нужен во всех отраслях народного хозяйства. Из него изготавливают все: от замков, чайников до локомотивов, плугов, кораблей, радиоприемников. Чем больше металла добывается в стране, тем она могущественнее.

Металлы не применяют в чистом виде. Их комбинируют в разных сочетаниях. Сплав составляют с таким расчетом, чтобы он был лучше, нежели входящие в него металлы. Часто металлы сплавляют с другими веществами. Железо с небольшим количеством углерода образует сталь, а со значительным — чугун.

В недрах земли таится много различных металлов. Некоторые из них еще недавно не были известны. Великий русский химик Д. И. Менделеев, создавая свою периодическую систему элементов, указал, какие металлы могут быть найдены в природе, сообщил их основные свойства. Ныне в Менделеевской таблице химических элементов уже нет неизвестных металлов.

Перевоорот в авиации

Немногим больше полувека назад алюминий продавали на вес золота. В 1899 году английские ученые преподнесли Д. И. Менделееву ценный подарок: весы из золота и алюминия.

На заре XX века, когда начала развиваться авиация, возникла острая потребность в легком и прочном металле. Первые самолеты, деревянные, оказа-

лись крайне несовершенными, их называли «летающими гробами». Сталь прочна, но тяжела для самолета. Алюминий втрое легче стали! Он, правда, мягкий металл, но его сделали крепче, введя в него немного меди и магния и подвергнув тепловой обработке. Назвали этот новый сплав дюралюминием. Ученые разработали дешевый способ извлечения алюминия из руд.

В настоящее время для реактивной авиации алюминий уже не всегда годится. При очень большой скорости корпус самолета нагревается до 250 градусов, а алюминиевые сплавы уже при 150—200 градусах теряют прочность. Некоторые части корпуса самолета заменили новым металлом — титаном.

Вестник преобразования

Серебристый титан похож на алюминий. Он лишь чуточку потемнее и в полтора раза тяжелее алюминия.

В земле титана в тысячу раз больше, чем меди, олова, свинца. Но он ускользал от людей; его не могли добыть из руды. Только через 120 лет после открытия титана в химических соединениях с другими элементами удалось, наконец, отделить, оторвать его от соседей. Но еще долго новый металл никого не интересовал.

Титан не случайно назвали металлом будущего. Когда его будут добывать в большом количестве, произойдет революция в разных областях техники.

Первые признаки технического переворота появились в авиации. Современный реактивный самолет летит быстрее звука. Важнейшие части его сделаны из сплавов титана, которым не страшна высокая температура. Внутри самолета, в газовой турбине, где лопасти совершают до сорока тысяч оборотов в минуту, температура горячих газов достигает 900 градусов. Сталь не выдерживает такого напряжения и жары, а титану все нипочем.

Соленая вода морей, океанов разъедает толстые стальные листы, из которых сваривают подводные части судов. У титана же стойкость платины. Достаточно нанести тонкий слой его на стальные листы, и они спасены от порчи.

Самый большой ущерб сплавам стали, чугуна, никеля, меди причиняет весьма тяжелая для них атмосфера на химических предприятиях, выпускающих азотные удобрения для сельского хозяйства, пластмассы, искусственный шелк, каучук. Время от времени приходится останавли-

вать агрегаты, чтобы заменить износившуюся деталь. Титан покрывает наиболее важные части машин и приборов, спасет их от кислот, щелочей. Это повысит производительность труда, удешевит продукцию.

Велика будет роль титана на заводах сельскохозяйственного машиностроения, выпускающих тракторы, комбайны, сеялки, культиваторы, да и вообще на предприятиях, где для обработки металлов употребляют режущие инструменты. Титан с добавкой ряда веществ образует сверхтвердый режущий сплав, немного уступающий алмазу, наиболее твердому веществу на земле.

Новый металл призван прийти и в сельское хозяйство.

Ежегодно перед началом полевых работ ремонтируют тракторы, комбайны, заменяют износившиеся части. Тем не менее в горячий период уборочной работы нередко. Пока ремонтной бригаде сообщат о поломке трактора, комбайна, молотилки, привезут и установят запасную часть, проходит довольно много времени.

А если повысить стойкость металла, чтобы он служил гораздо дольше?.. Маленькие дозы титана придают долговечность стали и чугуну.

Наука открывает новому металлу широкую дорогу в жизнь.

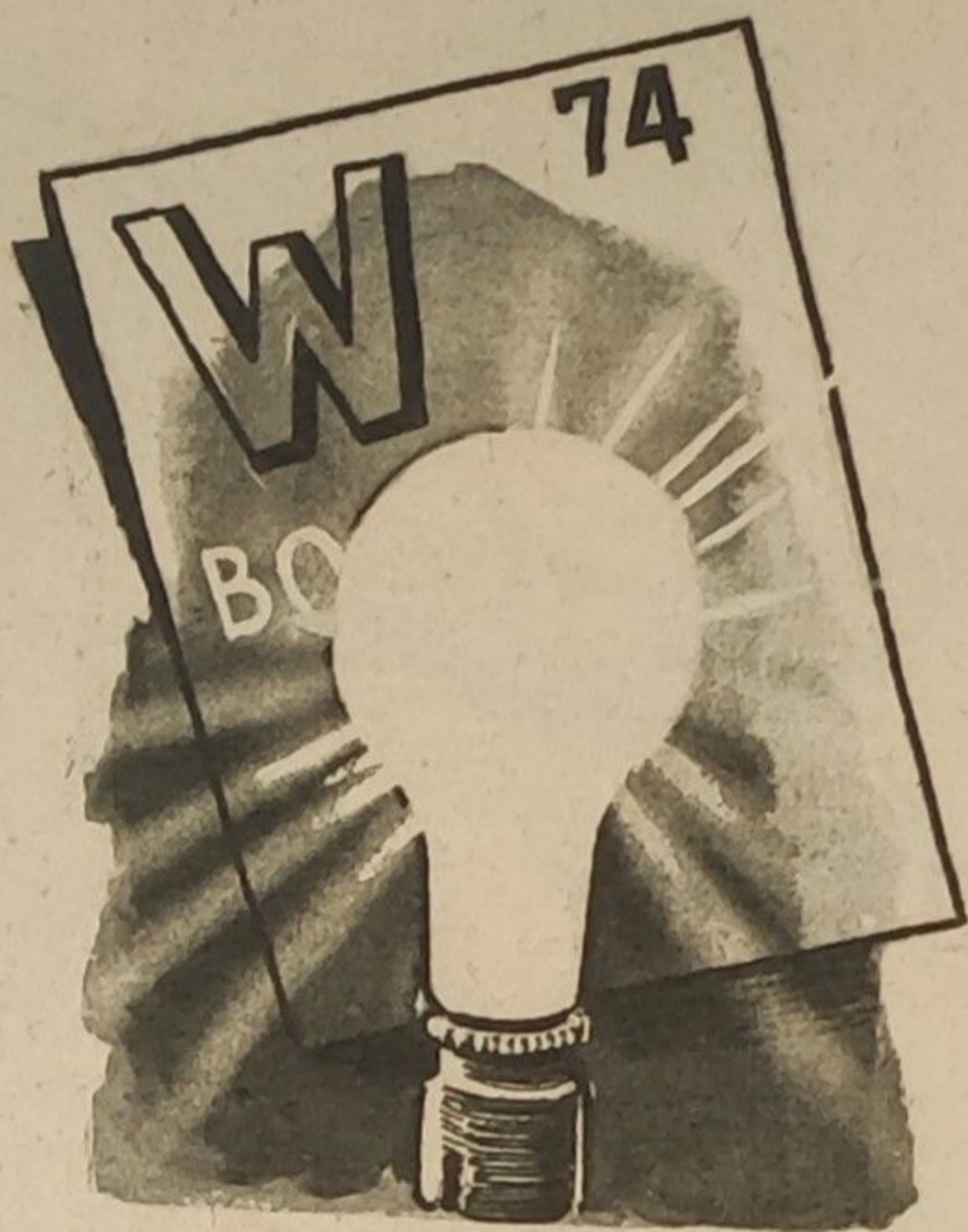
Редкие металлы

Редкие металлы содержатся в земной коре в сотых, тысячных, миллионных долях процента. Но многие из них обладают чудесными свойствами.

Нет на свете более легкого металла, чем литий. Он в пятнадцать раз легче железа, способен плавать на воде, будто пробка. Еще особенность: положат крупинку лития на стол, и она исчезнет на глазах. Литий улетучивается с поразительной быстротой, соединяется с присутствующими в воздухе газами. Поэтому литий хранят в банке с керосином, который изолирует его от воздуха.

В меди обычно растворены газы: кислород, водород, азот; есть и другие вещества, снижающие прочность металла. Если небольшой кусок лития добавить к тоннам расплавленной меди, он выловит из нее чужеродные вещества, свяжется с ними. От остывшего слитка отрежут часть с литием и пойманными им соединениями. Остается чистая медь, крепкая, лишенная примесей.

В зеленом изумруде, сверкающем опале и в других драгоценных камнях скрывается редкий металл — бериллий.

Маленькая доза его преобразует многие обычные металлы. Испытывали пружины из стали и обгазированной бериллием бронзы, которая сама по себе мягче стали. После десяти миллионов сжатий стальная пружина лопнула. Пружина из бериллиевой бронзы выдержала двадцать миллионов сжатий. Бериллий с каждым годом все более энергично входит в промышленность. Сплавы, содержащие бериллий, идут на изготовление автомобильных частей, медицинских приборов, часов.

Долго не находил признаний редкий металл бор. Ныне его сплавляют с железом, никелем, медью, которым он сообщает крепость и твердость.

Вольфрам, один из замечательнейших металлов земного шара, случайно оказавшийся в дамасских клинках, наиболее тугоплавкий. Он используется в электрической лампочке, где температура превышает две тысячи градусов.

Редкие металлы цезий, рубидий присутствуют в фотоэлементах, в которых под действием света возникает электрический ток. Пресс, например, работает, пока в фотоэлемент попадает свет из лампочки. Но вот рабочий нечаянно поднул под пресс руку и преградил путь свету. В фотоэлементе прекращается ток, и пресс тотчас останавливается, спасая рабочего от тяжелого ранения. Ме-

Рисунки С. КАПЛАН.

ханический глаз предупредительно раскрывает ворота гаража, когда подъезжает автомобиль, и выполняет уйму других обязанностей.

Тантал, один из тугоплавких металлов, заинтересовал не только инженеров, но и хирургов, мечтавших о материале, которым можно при тяжелых поражениях скреплять и даже заменять кости. Тантал не раздражает тканей; организм его как бы не замечает.

Молибден, ванадий, гафний, ниобий, цирконий, скандий, рений, европий, индий, германий, самарий, лантан, неодим, тербий... Колоссальное количество редких металлов находится в руках человека.

Выдающееся место среди них занимают радиоактивные элементы радий, уран, торий, в которых сосредоточены гигантские запасы энергии. Такие металлы — топливо для крупных атомно-электрических станций, которые строятся в шестой пятилетке, для атомного ледокола «Ленин».

Наша страна показала пример использования атомной энергии в мирных целях. В залегающих в земной коре уране и тории в пятнадцать — двадцать раз больше энергии, чем в угле и нефти, взятых вместе.

Есть редкий металл, называемый туллий. Облученный в атомном реакторе, он год — два излучает рентгеновские лучи.

Рентген, как все знают, просвечивает человеческий организм. Для аппарата, воспроизводящего эти лучи, нужна электрическая энергия, а туллий ее не требует. Он покоится в свинцовом непрозрачном футляре с окошком, которое открывают, когда необходимы рентгеновские лучи. Этот металл окажет большую услугу врачам в районах, где нет электричества, на зимовках в Арктике, Антарктике.

Список редких металлов далеко еще не закончен. Около двух десятков металлов, которых ранее не удавалось химически выделить, ныне получают в отдельности и начинают их изучать. Исследователи придут к новым, еще более значительным открытиям.

В нашей стране новые металлы и сплавы обеспечат дальнейшее развитие мощной социалистической техники, поднимут ее на еще более значительную высоту.

КАК УХАЖИВАТЬ ЗА КОЖЕЙ ЛИЦА

Не всякая вода хороша для умывания. Колодезная, например, жестка, она содержит обычно много солей, которые раздражают кожу.

Чтобы смягчить воду, надо прокипятить ее либо добавить чайную ложку пищевой соды или буры на литр воды.

Людам, у которых сухая кожа, умываться следует не больше одного раза в день. Хорошо протирать лицо жидким кремом: «Бархатным», «Миндальным молоком» — или составом, который нетрудно приготовить самим. На $\frac{1}{2}$ стакана свежей сметаны или сливок взять один желток и, помешивая, прибавлять по капле $\frac{1}{3}$ стакана водки и, по возможности, сок одного лимона.

Полезны питательные кремы «Миндальный», «Спермацетовый», «Сюрприз» и другие. Крем втирают в кожу легкими круговыми движениями пальца. Через 30—40 минут его снимают ваткой или бумажной салфеткой. Не следует оставлять крем на ночь.

Людам с жирной кожей рекомендуется один — два раза в день умываться горячей водой с мылом и затем ополаскивать лицо холодной водой. В течение дня кожу следует несколько раз протирать полпроцентным нашатырным спиртом или настоем огурцов на водке.

Чтобы не появились веснушки, нужно закрывать лицо от солнца белым платком или надевать шляпы с широкими полями. При работе на солнце следует смазывать лицо защитным кремом («Крем от загара», «Березовая эмульсия», «Крем земляничный») и обильно припудривать. На ночь можно смазывать лицо отбеливающими кремами «Чистотел», «Метаморфоза», «Весенний».

Предотвратить появление веснушек помогает также простое средство: утром и вечером смазывают лицо простоквашей и умываются, добавив на литр воды столовую ложку уксуса.

ГИГИЕНА НОГ

Ноги необходимо чаще мыть теплой водой с мылом.

Если на пятках, подошвах кожа утолщена, ноги следует распарить в горячей мыльной воде, в которую добавить щепотку пищевой соды, и затем утолщенные места потереть пемзой или соскоблить тупым лезвием ножа.

Свежие мозоли обычно проходят от горячих ванн с последующим соскабливанием. Старые мозоли следует смазывать мозольной жидкостью. Ежедневное прикладывание сердцевинки листка алоэ также размягчает мозоль, она белеет, разбухает и легко соскабливается.

При потливости ног надо делать ежедневно, лучше на ночь, горячие ножные ванночки с марганцовокислым калием (раствор малинового цвета). Два — три раза в неделю протирать между пальцами ватой, смоченной пятипроцентным раствором формалина, туалетным уксусом, однопроцентным раствором нашатырного спирта, присыпать «Гальманином». Носки или чулки следует менять ежедневно, простирывать их в горячей воде и проглаживать.

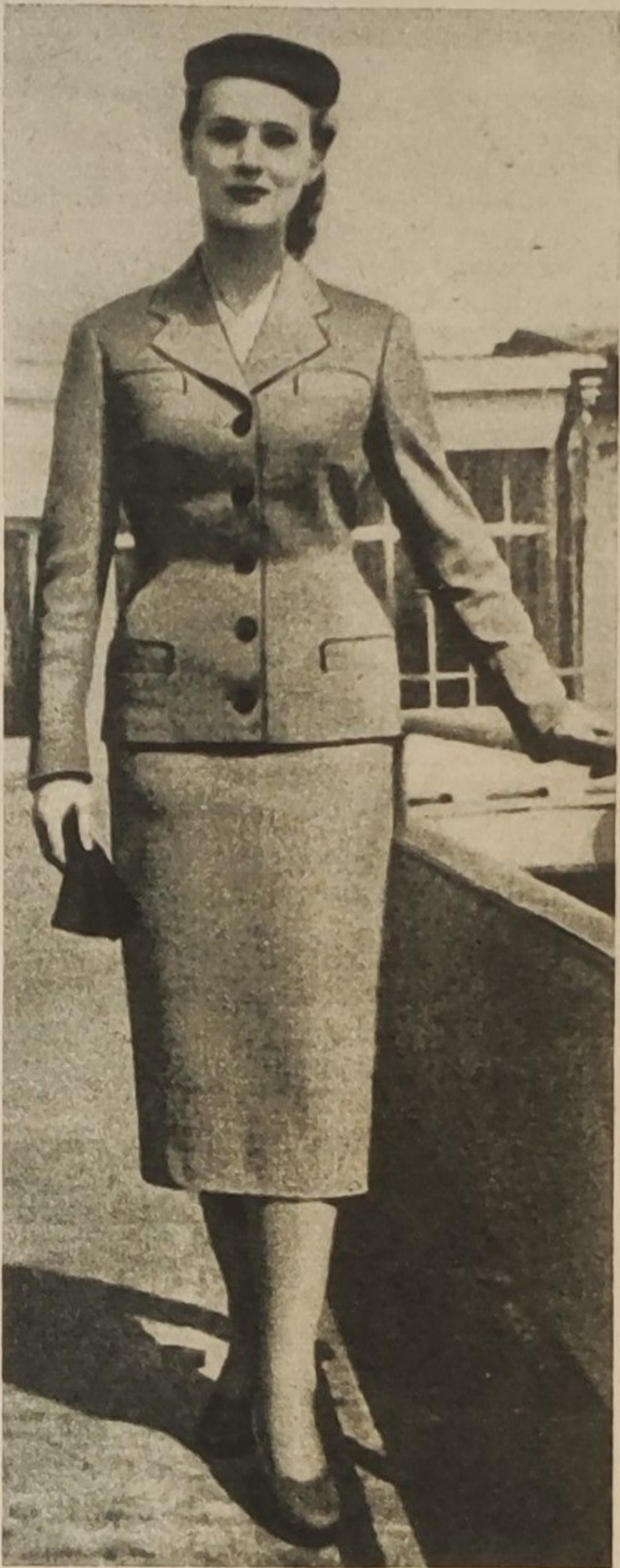
Врач-косметолог
Лидия РОЗЕНТУЛ

Моды

Платье из шерстяной ткани. Полочки отрезного лифа по вороту немного при-
собраны. Рукав цельнокроенный, полу-
длинный. Юбка прямая с незастрочен-
ными выточками по талии.

Блузка из светлой ткани. Полочки со-
ставные с притачными бочками. Рукав
втачной, полудлинный, с манжетой.

Костюм из шерстяной ткани. Жакет
прилегающей формы. Листочки прорез-
ных карманов отделаны темной бейкой.
Рукав втачной, длинный.

Блузка из цветной гладкой ткани. Ру-
кав цельнокроенный, полудлинный.
Планка, ворот, бант и манжеты из тка-
ни белого цвета.

Костюм из клетчатой ткани. Жакет
свободного покроя. Рукав втачной, по-
лудлинный. Юбка прямая. Жилет из
гладкой яркой ткани.

(Из польского журнала мод).

КАК ГОТОВИТЬ

Домашнее печенье

Сухарики

На 2 стакана пшеничной муки — $\frac{3}{4}$ стакана картофельной муки, 1 стакан сахарного песка, 2 яйца, немного изюма, соды.

Желтки растереть с сахарным песком, белки взбить отдельно. Взбитые белки смешать с желтками, всыпать пшеничную и картофельную муку, изюм. Взять на кончике ножа немного соды.

Раскатать тесто колбасками и поставить в духовку или печь. Вынуть печенье, не давая ему подрумяниться, нарезать на дольки, подсушить в духовке или печи.

Пряники

На 600 г пшеничной муки — 200 г сахарного песка, 250 г меда, 50 г сливочного масла или маргарина, 2 яйца, $\frac{1}{2}$ чайной ложки соды.

Сахар развести в воде, положить в него мед, масло, яйца, хорошо перемешать. Затем добавить соду и муку. Тесто замешивать 15—25 минут, с тем, чтобы получить однородную массу.

После этого тесто хорошенько прокатать скалкой, нарезать стаканом или рюмкой пряники, разложить их на смазанный маслом противень и поставить в духовку или печь.

Творожная масса

На 100 г свежего творога — 100 г сливочного масла, 1 желток, 150 г сахарного песка, ванилин по вкусу.

Творог следует немного отжать, протереть через редкое сито и прибавить

к нему все остальные продукты. Смесь хорошо размешать.

Потом перемешанную массу выложить в форму, сверху полбжить дощечку и тяжелый гнет и вынести в прохладное место. Через полтора суток творожная масса будет готова.

Слойка плетеная

На 1 кг пшеничной муки — 100 г сахара, 5 столовых ложек сливочного масла, 1 стакан молока, соль, дрожжи.

Подготовить дрожжевое опарное тесто. В подогретой воде или молоке растворить дрожжи, всыпать немного муки, все смешать. Опара по густоте должна напоминать сметану. Опару посыпать мукой, накрыть тканью или крышкой и оставить для брожения на 3—4 часа при температуре 30—35°. Потом, когда опара немного осядет, добавить остальные продукты, замесить тесто и дать ему бродить еще 1—2 часа. За это время сделать одну обминку.

Тесто раскатать в виде пласта так, чтобы края были немного тоньше середины. Часть пласта смазать маслом и посыпать сухарями. Не покрытую маслом часть пласта загнуть и накрыть ею половину пласта, смазанного маслом. Затем оставшейся частью пласта, смазанного маслом, накрыть уже сложенное вдвое тесто. Получится три слоя теста и два слоя масла.

Тесто раскатать, нарезать равными полосками, которые скрутить в виде жгута. Сплести косу из трех жгутов, положить на противень. После выпечки разрезать на равные доли.

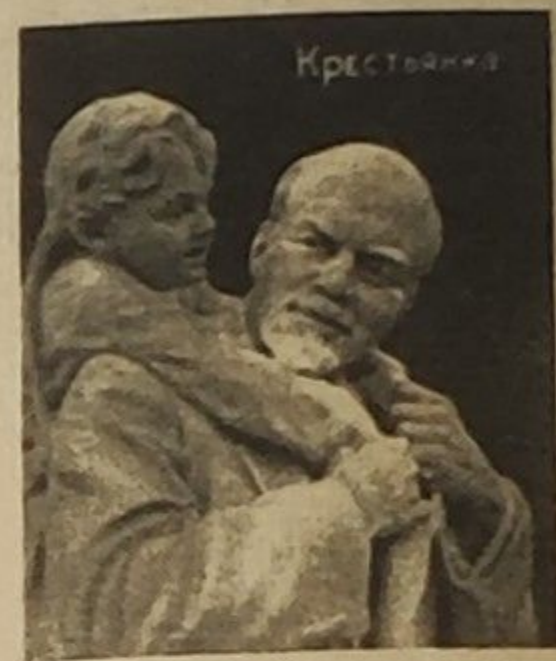
Взвешивание без весов

Не имея весов или литра, можно приблизительно измерить продукты чайным стаканом, столовой и чайной ложками.

Стакан, столовая и чайная ложки, наполненные жидкими продуктами до краев, а густыми и сыпучими — с горкой, но без утрамбовки, будут весить в граммах:

Наименование продуктов	Стакан 250 см ³	Столовая ложка	Чайная ложка
1. Мука пшеничная	160	25	8
2. Картофельный крахмал	200	30	10
3. Крупа манная	200	25	8
4. Рис	250	25	10
5. Сахарный песок	200	25	10
6. Масло животное	245	20	5
7. Сметана	250	25	10
8. Молоко цельное	250	20	—
9. Сода питьевая	—	50	20
10. Соль	300	30	5

Яйцо куриное без скорлупы весит 40 г
Желток весит 15 г
Белок весит 25 г

СОДЕРЖАНИЕ

- Партия ведет
Л. Тамаровская — Большая весна
М. Жестянкина — Одной семьей
М. Ильина — Мои встречи с Лениным
Е. Шпак — Байбиче
М. Искольдская — Ребятишки ждуют воспитателя
М. Еремеева — Кровью сердца
Л. Жуховицкий — Молодые хозяева земли
Н. Белинович — Легенда об острове Мудьюг и милосердных сестрах
А. Турков — Всегда в дороге
А. Стоякина — Двадцать два миллиона.
В. Губарев — Анюта. Рассказ
И. Снегова — Песня. Стихи
З. Савостина — За что они борются
Т. Жигалко — Как мы встали на ноги
М. Шагинян — Ярослав Гашек
Я. Гашек — Юбилей служанки Анны. Хозяйственные реформы барона Клейнгампля. Рассказы
Блок — Праздник в кооперативе
В. Степаненко — Это было в клубе
Я. Корш — Металлы будущего
Л. Розентул — Как ухаживать за кожей лица. Гигиена ног
Моды
Как готовить

ВКЛАДКИ

«АПРЕЛЬ 1917 ГОДА». С картины В. Золотавина.

Этюды Татьяны Радимовой.

«ИНТЕРЕСНЫЙ РАЗГОВОР». Цветное фото В. Жемчужникова.

«СЕМЕЙНАЯ ПРОГУЛКА». Цветное фото Б. Тилекметова.

На первой странице обложки: «Владимир Ильич Ленин». Скульптура народного художника ВССР З. Азгура. Всесоюзная художественная выставка 1957 года.

На четвертой странице обложки: «Весенний паводок». Цветное фото А. Шишкина.

Оформление номера В. Гортинского.

Технический редактор В. Пархоменко.

К этому номеру дается бесплатное приложение — рисунки для вышивания.

Главный редактор — Е. И. ЛЕОНТЬЕВА. Редакционная коллегия: М. О. ЕРЕМЕЕВА (заместитель главного редактора), И. А. КОБЧИКОВА, Л. Е. ПИШЕНИНА, Е. И. УШАКОВА, М. С. ШАГИНЯН.

Адрес редакции: Москва, Д-47, Ленинградское шоссе, улица «Правды», 24. №№ телефонов: Д 3-35-35; Д 3-39-48; Д 3-38-03. А 00983. Подп. к печ. 21/III 1958 г. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 402. Заказ № 623. Формат бум. 60×92 $\frac{1}{2}$. 2,75 бум. л.—5,5 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ДЕКАЛО

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Пришли в волнение и леса и горы,
 Никто не ожидал такой напасти:
 Лисою был на должность дирижера
 Не Соловей — по части песен мастер,
 Не Пересмешник, что в лесу известен
 Как тонкий исполнитель птичьих песен,
 А был назначен (кто б мог ждать?)... Осел!
 Чуть разнеслась по свету эта весть,
 Медведь взревел от возмущенья:
 — Нельзя молчать!.. Все превзошел
 Акт этот!.. Лопнуло терпенье!..
 Лиса поправа честь!..
 И, горяча себя, к Лисе подался:
 — Чтобы Осел — и дирижером звался?!
 Да к музыке ж он глух! Да он же... он...
 До глубины души, Лиса, я оскорблен!
 Еще не приходилось нам, зверям,
 Терпеть такой позор и срам!
 Тебе ль не знать, как нищ Осел умом!..
 — Позволь...
 Но он... рекомендован Львом!

* * *

В начальниках Осла узря,
 не спрашивай напрасно,
 Как он им стал. И без того все ясно!

Перевела с болгарского

Ирина ВОРОБЬЕВА.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

СОКМ. КП Цена номера 1 рубль.
19266